

Стас Колокольников

Сила и волшебство

рассказы

Стас Колокольников

Сила и волшебство

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67266756

SelfPub; 2022

Аннотация

Рассказы 1997-2003 гг. Герои попадают в мистические, загадочные, неправдоподобные ситуации. И чтобы разобраться, что к чему, им не надо верить в магию, нужно просто понимать, что и кто управляет этим миром.

Содержание

Четыре конопляных зернышка	5
Дом мертвецов	12
Крысоловы	23
Рыцарь, Корсар и Джокер	39
Две жизни, одна любовь	66
Она и Морской офицер	78
Юля едет в Париж	93
Удивительная Юля Воробьева	106
Я убил ангела	114

Стас Колокольников

Сила и волшебство

ДИСКЛЕЙМЕР

Книга не пропагандирует употребление наркотиков. За незаконное приобретение, хранение, перевозку, изготовление, переработку наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов предусмотрена уголовная ответственность. Статья 228 УК РФ. Даже разовое употребление наркотиков ведёт за собой большие последствия, сказывающиеся на вашем здоровье, а в конечном итоге это приводит к летальному исходу.

Четыре конопляных зернышка

Сказочная история

У Ани дома завелся то ли гном, то ли домовый. А может, еще какая мелкая нечисть. Домовой таскал откуда-то всякий хлам и складывал под столом. Чего там только не было: неполные колоды карт, диски без обложек, разноцветные стеклышки, винные пробки, старые монетки, чьи-то фотографии, мельхиоровые ложки, старые нэцкэ и пуговики.

Однажды под столом появился мешочек с конопляными зернышками. А на мешочке было аккуратно вышито разноцветным бисером: *зерна исполняют желания*. Мы долго гадали, каким же образом их использовать для такой цели. Мы их щелкали, перетирали, бросали в молоко и на раскаленный противень. Пока зерен не осталось всего четыре, а исполненных желаний не прибавилось.

Тогда мы решили оставшиеся зерна посадить в землю. Запихали в горшок и обильно полили остатками зеленого чая.

На удивление быстро мы дождались всходов. Конечно, не на следующий день. Но все равно, намного быстрее, чем полагалось. Через пару недель мы сидели у ветвистых кустов и гадали, что же с ними делать.

Будь это обыкновенные кусты, мы бы знали, как поступить. Но это был не тот случай.

– Думаю, всё-таки надо от одного нарвать листков и ску-

ритель, – предложил Юра. – А потом решим, что с остальными делать.

– Да, а вдруг мы уже не сможем ничего решать, – недоверчиво отнеслась к идее Аня.

– Всё может быть, – кивнул Юра и обратился ко мне: – А ты как думаешь?

– Я за твоё предложение, – честно признался я, – очень попробовать хочется.

– Ладно, давайте пробовать, – согласилась Аня.

Каждый понимал, что в принципе мы чем-то рискуем. Но ведь самое большее, чем мы рисковали, это сойти на некоторое время с ума. Что иногда бывает приятно. А к чему, скажите, дорожить разумом, если его и так растаскивают все, кому не лень.

Но быть первым никто не соглашался.

Тут приходят Андрей и Таня, они недавно поженились и ходили по гостям. Мы как ни в чем не бывало подаем им трубку. Андрей спокойно выдохнул дым, обнял жену и мечтательно проговорил:

– А хорошо бы нам сейчас, Танюха, в Индии оказаться.

Раз и нет ни Андрея, ни Тани. Как будто и не было их с нами.

– Куда это они подевались? – удивленно воскликнула Аня.

Первым Юра догадался, он у нас самый умный, кандидат наук.

– Я думаю, они уже в Индии, где-нибудь на берегу Бенгальского залива, в славном городе Мадрасе.

Тогда мы быстренько сорвали листья с того же куста и начали решать, какое желание исполнить.

– Надо что-нибудь не долгосрочное, чтобы результат сразу увидеть, – предложила Аня.

– Конечно, надо, чтоб сразу, – согласились мы.

– А давайте тоже куда-нибудь отправимся путешествовать, – сказал Юра.

– А куда? – спросил я.

– Да куда угодно. Тебе вот куда хочется?

– Мне бы хотелось в Атлантическом океане под парусом плавать, – признался я.

– Неплохо, вот давай, пожелай себе и нам, – согласились Аня и Юра.

Затянулся я и сказал мечтательно:

– А хорошо бы нам троим сейчас в Атлантическом океане оказаться и под парусом плавать

Я даже глаза закрыл от сладкого предвкушения. Открыл, и ничего. Ни паруса над головой, ни океана. В окно выглянули и там всё по прежнему, осень и грустные из-за дождя ходят.

– Ага, – догадался Юра, как самый умный, – наверняка, нужно брать от каждого куста по одному разу.

Это можно было легко проверить.

– Что будем заказывать? – волновалась Аня.

– То же самое, под парусом в океан.

Я сделал всё как надо, и тут мне стало невероятно весело. Сдерживая улыбку, я не мог сказать ничего внятного и лишь похрюкивал.

– Что ты там говоришь? – спросил Юра.

– Чуть-чуть от смеха не лопну сейчас, – с трудом проговорил я.

И точно. Сначала я надулся, как шарик, и повис посреди кухни. При этом всё во мне булькало от смеха. Казалось, смех, как пар, выходит через все мои отверстия. Его было так много, что мне грозило лопнуть и пропасть бесследно. Только мне было все равно, я продолжал заливаться идиотским смехом. Тем более и друзья смотрели на меня так, что без смеха было никак не обойтись.

Ну, в общем, я не лопнул. Надулся до предела, поохотал и сдулся.

– Что это было сейчас? – спросил я, опустившись на стул в своем прежнем виде.

– Ты чуть от смеха не лопнул, – спокойно объяснил Юра.

– Ага. А желаний, между прочим, всего два осталось, – добавила Аня.

– Считайте, что я своё уже использовал, – вздохнул я, – только вы в своих желаниях про меня не забудьте.

– Чего будешь желать? – спросил Юра у Ани.

– Попробуем еще раз в путешествие отправиться. Хорошее желание. Только молчите все, – посоветовала Аня, – а то видели, как бывает?

Мы покивали в ответ. Аня сосредоточенно глаза чуть вверх закатила, вспоминая, что же хотела сказать. И вдруг как раскашлялась, горлом поперхнулась и сквозь кашель выругалась:

– Кхе..кхе..кхе..да чтоб вам всем пусто было.

Мы сначала и не поняли, что произошло. Вроде, всё как прежде, сидим на кухне. Только как-то не по себе стало. А что именно случилось – непонятно. А потом понял – я словно выпотрошенная кукла. Но меня это не пугало, ноль эмоций. А откуда им взяться? Где это видано, чтобы чучело, набитое пустотой, о чем-то переживало.

Не знаю, долго это продолжалось или нет, но когда Аня сказала:

– Кажется, отпустило.

Мы поняли – да, отпустило. Пустота сменилась жаром. Это раскаленные до предела нервы дали о себе знать.

– Ну, ты молодец, – укоризненно поглядев на Аню, лишь и сказал Юра.

– А сами-то.

– У нас осталось одно желание, – напомнил я.

– Если мы еще раз это сделаем, за последствия я не отвечаю, – устало проговорил Юра.

– Но надо же с ним что-то делать, – не отступали мы с Аней, – с последним желанием-то.

– А какое желание? – спросил Юра. – Если в том же духе, то я пас.

– Нет, с последним желанием мы будем предельно осторожны и внимательны, – пообещала Аня.

– И что пожелаем?

– Любви и счастья, – сразу предложил я.

– Кому?

– Всем.

– С этим никакое конопляное зернышко не справиться, поверь мне, – вздохнул Юра. – Надо что-нибудь реальное.

– Тогда сто тысяч литров лучшего вина, – не унимался я.

– Сопьемся, – поморщился Юра. – Подумай, к чему ты нас склоняешь.

– Идея! – воскликнула Аня. – Давайте, вызовем Андрея и Таню обратно! Вот весело будет!

– Давайте! – тут же согласились мы.

Как порешили, так и сделали.

– Хорошо бы нам сейчас Андрея и Таню увидеть, – хитро ухмыляясь, проговорил Юра и дунул струйкой дыма в ту сторону, где предположительно должны были появиться наши друзья.

Мы отодвинулись от этого места. Сейчас, думаем, прилетят обратно, на ногах не удержаться и упадут.

Только не тут-то было. Вдруг перед нами, как на широкоформатном экране кинотеатра, появляется картина, на которой наши Андрей и Таня едут на белом слоне, увешанные цветочными гирляндами. Оба счастливые и смеются. А слон так высоко хобот задрал и что-то протрубил. Но мы ничего

не слышали, только видели всё это.

Понаблюдали мы за картинкой пару минут, и она исчезла.

– Ну вот, все желания и исполнилось, – сказала Аня.

– Здорово, – проговорил Юра, – я такого никогда не видел.

А я промолчал. Всё равно, подумал я, раз уже и зерна желания исполняют, то этим всё не кончится. Скоро еще какой-нибудь способ найдется.

Дом мертвецов

В этом городе я никого не знал. Я приехал не к кому-то, а к морю. И первые четыре дня провел на пляже. Ночевал под присмотром полнеющей луны и слушал плеск волн.

«Что это за жизнь такая? – спрашивал я себя, представляя, что это огромная луна спрашивает меня. – На что ты её променял? Что отдал и что приобрел? Чем пустынный ночной пляж лучше уютной кровати?»

«Ничем, – отвечал я. – Честное слово, ничем. Так получилось».

Неделей раньше я гостил у друга в Варшаве, удивлялся незнакомой жизни, впервые оказавшись за границей. Целыми днями ходил по городу и смотрел, смотрел. Пока однажды утром не вспомнил, что несколько лет не видел море. Изучил карту Польши, висевшую на стене, и в тот же день налегке со школьным рюкзаком и двадцатью долларами в кармане на попутных машинах отправился в дорогу. Поздно вечером я уже нырял в прогретые июльским солнцем воды Гданьского залива.

Пять дней я жил под открытым небом. Варил гороховую похлебку на костре. На рассвете нагишом прыгал в море, а после собирал ракушки. В общем, чувствовал себя свободным человеком. И лишь на пятый день, когда дикий пляж каждой песчинкой проник ко мне в рюкзак, в волосы, в одеж-

ду и под одежду, хрустел на зубах, словно я питался одной стеклянной посудой, я понял – последние деньги нужно, не жалея, потратить на уют, кровать и ванну.

Двери с объявлениями о сдаваемых комнатах попадались, чуть ли ни на каждом шагу, но я не стал стучаться в первую попавшуюся. Для начала я прислушивался, что за ними творится. Этому я научился у подруги, она была звездочетом и знала, как считывается окружающее биополе. «Такие вещи не объяснишь словами, – говорила он, – либо ты их чувствуешь, либо нет». Я чувствовал.

За первой дверью дремал синий демон бутылки, в его власти находился весь дом. Там в любой момент мог начаться скандал. За второй пересекалось несколько пространств с искривленным временем, и потому обитатели дома старели быстрее, чем их соседи. За третьей дверью пригорела каша и не оттого, что за ней не уследили. Дело было в старом обтянутом кожей сундуке, который стоял в подвале. На дне сундука хранилась чья-то прядь волос, она-то и мешала наладить порядок в доме. За четвертой дверью знаки Сатурна обещали скорое членовредительство.

Забраковав с десятков дверей, я уже хотел вернуться дожевывать пляжный песок, как мне неожиданно повезло. Я стоял перед дверью и не чувствовал никаких сомнений. Открыв её, я немного смутился пыльной тишины, выкатившейся к порогу, словно клубок из старого комода.

Двухэтажный дом напоминал пиратский люггер, давно

выброшенный на берег и высушенный ветром. Через минуту откуда-то сверху спустился хозяин, старый грузный поляк с красными выпученными глазами. Он с трудом понимал мой язык, польский вперемешку с русский. Выслушав путанные объяснения, он пожал плечами и показал комнаты. Потом забрал все мои деньги, сунул взамен ключ и исчез, словно испарился.

Заплатив за три дня, я пообещал хозяину, что если понравится, я останусь еще недели на две. За мягкую постель и горячую воду можно наплести что угодно. Что в нашем мире ложь и правда? Размышлял я, намыливаясь в облупленной ванне. И не я ли тот муравей, которого они растопчут прежде, чем он распознает их?

В первый вечер я решил никуда не ходить, и хотя города я почти не видел, без денег и тем более после пятидневного сеанса «лунатерапии» много не нагуляешь. Хотелось быть дома и думать, как однажды сменю бродяжничество на оседлость. Полистав непонятные выцветшие журналы, я лег пораньше. Дурманящий сон, как после порции опиума, уносил куда-то далеко, как вдруг что-то меня вернуло.

Открыв глаза, я долго не мог разобраться, что же происходит. Такое часто бывает – лежишь и не можешь понять, где ты и кто ты. И как не напрягаешь память, всё кругом остается незнакомым. Это не редкость, если из года в год просыпаешься и засыпаешь в разных местах.

Осознав, где нахожусь, я сразу понял, что меня побес-

покоило. Шум внизу. А ведь хозяин дал понять, что я буду здесь один, и показал пустые комнаты. А теперь снизу доносился шум. Впрочем, не такой подозрительно торопливый, какой издают ночные воры. Нет, это был шум характерный для семейной пары или любовников, когда они ссорятся. Внизу о чем-то спорили мужчина и женщина. Если прислушаться, можно было разобрать и слова. Перебивая друг друга, они часто повышали голос. У женщины даже доходило до выкриков, но мужчина в этих случаях говорил чуть тише.

Сначала я прислушивался, пытаюсь выяснить, кто же они и как сюда попали. Возможно, хозяин сдал комнату кому-то еще и не успел предупредить. Но спускаться и выяснять в чем же дело, не было желания. Не чувствуя никакой опасности, я уснул.

На утро, выспавшись, я был заряжен таким количеством энергии, что мог смело взяться за пробежку вокруг планеты раза на три-четыре. Наскоро умывшись, я отправился на экскурсию по Гданьску.

Спускаясь со второго этажа, я обратил внимание, что двери в комнатах, откуда ночью мог раздаваться шум, заперты. В широкие старинные замочные скважины я разглядел, что внутри комнат всё также царит запустение, которое неохотно демонстрировал хозяин. Удивленный, я не придал происшествию особого значения. Случалось, по ночам меня посещали видения, особенно в дороге или в чужом доме.

Осматривая Гданьск, я прокатился на трамвае до моря. На

оживленной набережной мне сделалось скучно, и я вернулся в центр города. Прячась от духоты, я зашел в католический храм и присел на скамейку, рядом, у стены над мерцающими свечами, парил задумчивый Иисус. И вдруг я поймал себя на том, что слышу тех мужчину и женщину, они словно бродили где-то в моей голове и продолжали спорить.

Мне захотелось вернуться домой, пришлось буквально заставить себя гулять до вечера. Город был приветлив, полон радостных лиц и улиц, и хотя было чуть душновато, я легко дождался сумерек.

Вернувшись, я прислушался – не появились ли соседи. Но никого не было, комнаты пустовали. Для пущей убедительности я постучал в каждую дверь и пригласил мнимых соседей на вечеринку. Конечно, ни выпивки, ни денег на угощения у меня не было. Но мало ли, всякое могло случиться. Я начинал верить, что имею дело с привидениями.

Потом я еще раз тщательно осмотрел весь дом. Наверху была комната, которую занимал я, рядом ванная с туалетом и маленький чулан. Внизу просторный холл и две комнаты, запертые на ключ. Ничего не изменилось. Удостоверившись, что в доме никого, кроме меня, нет, я перекусил черствым хлебом с муштардой и лег спать. Уснул я на удивление спокойно, словно в своем доме и в своей постели.

Не знаю, сколько я проспал, но еще во сне понял, что снизу раздаются знакомые звуки. Мужчина и женщина продолжали вчерашний неоконченный спор. Как по команде, я

осторожно выбрался из постели и лег, прижавшись к полу ухом.

Слышимость была отличная, но всё равно казалось, что люди внизу прикрывают рты тряпками. Говорили они польски, но понимал я их без особого труда. Спор шел о какой-то картине, которую они наблюдали вместе. Только мужчина убеждал, что видел одно, а женщина совершенно другое.

– Ты невероятный тупица, – говорила женщина. – У тебя всегда голова идет кругом, и ты видишь какую-то рябь перед глазами. А не то, что происходит на самом деле.

– Да, но ты несколько преувеличиваешь, дорогая, – не соглашался мужчина. – Не такой уж я и безнадежный.

– Вот как! – восклицала женщина. – Сейчас, между прочим, вытирая левым ухом пол, нас подслушивает молодой человек сверху. А ты что видишь?

– Хм, а я вижу черного кота, стерегущего мышь. Котьяра широко раскрыл глаза и сидит без движения.

– Кто бы сомневался, – насмешливо произнесла женщина. – А больше ничего не видишь?

– Кажется, вижу... – неуверенно сказал мужчина.

– Тебе вечно что-то кажется. А я точно видела на вчерашней картине, как морские волны несут обломки мебели, вещи и книги. И как корабли срывались с привязи, словно взбесившиеся. Люди тонули в воде, как котята. А вода была зеленая, точно из болота.

– А черного кота, стерегущего мышь, наверху нет? – вдруг как-то с надеждой спросил мужчина.

– Нет! – закричала женщина. – Там только молодой человек, который подслушивает нас.

– Странно, странно, – пробормотал мужчина и тут же взмолился: – Только не кричи, прошу тебя. А то я не только видеть, я еще и слышать перестану.

Я прилип к полу. Такой странной парочки я еще не встречал. Но больше всего меня занимало – не кто они и о чем говорят, а то, как женщина узнала, что я подслушиваю левым ухом. На правое-то я туговат.

«Вот так ребята, – возбужденно думал я, – неплохо бы познакомиться с ними поближе».

– Ради бога, только не спорь со мной, – продолжал мужчина упрашивать женщину.

Хотя она уже и не спорила с ним вовсе, а красочно описывала тонущий город, как над ним сгустились тучи, как подул сильный ветер, как вода устремилась из берегов.

– Я ничего такого не видел, – уже обиженно твердил мужчина. – Ничего такого. Только море, безбрежное море. И всё. Откуда ты это взяла?

– Я ничего ниоткуда не брала, – чуть ли не по слогам объяснила женщина. – Всё это было на картине.

– Удивительно, но я ничего не видел, – вздохнул мужчина.

– Вот это как раз и не удивительно, – повышая голос, сообщила женщина. – Ты тупица, каких мало. Ты так и не по-

нял, что главное, охватить взором всю картину и постараться увидеть не то, что хочется тебе. А то, что там есть на самом деле.

– Но я, – начал было мужчина.

– А ты! – перебила женщина. – Делаешь всё наоборот. Ты вглядываешься в детали и ищешь то, что хочется увидеть тебе.

– Говори, что хочешь, – твердо сказал мужчина, – а я тебе не верю. Этот город не может уйти под воду просто так.

– Этот город и не уйдет под воду. Волна накроет его и отступит, – теряя терпение, объясняла женщина. – И это будет не просто так. Это знаки природы...

– Смотри! – вдруг радостно воскликнул мужчина. – Вот же он! Черный кот! А в зубах у него пойманная мышь!

– И что?!

– А ты говорила никакого черного кота в чулане нет.

– Я и сейчас тебе говорю, никакого черного кота наверху не было, и нет. А это черная кошка пришла из подвала.

– Всё равно, я же видел её, как она стерегла мышь, – радовался мужчина. – А ты говоришь, я вижу только рябь перед глазами.

– Идиот! – воскликнула женщина, оставив за собой последнее слово.

Потом всё стихло. Я еще долго лежал на полу, надеясь, что спор возобновится. Но было тихо.

Утром я никак не мог понять, пригрезилось ли всё услы-

шанное ночью или действительно у меня появились соседи из семейства привидений. Но никаких доказательств, кроме того, что я проснулся на полу, не было.

Побродив по дому, аукая и вызывая ночных постояльцев, я вскоре отказался от затеи что-либо выяснить и вышел на улицу. Было очень душно и жарко. Только море спасает в такую погоду.

Добравшись до пляжа, я понял – творится неладное. Люди ходили вдоль кромки моря и не могли окунуться в воду. От самого берега на несколько десятков метров море покрылось зеленоватой жижей. И каждый, кто рисковал войти в неё, получал несмываемое болотное покрытие, как у водяного, пахнущее тиной и гнилью. Море явно не желало никого пускать.

Видимо, на языке природы это что-то и означало. Только мало кто из нас понимал её язык. В совершенстве мы овладели знаками разрушения и забвения. И теперь почти не слышали, о каком будущем нам шепчет уцелевший мир.

Люди недоуменно смотрели на зловонную жижу вдоль всего побережья. Никто из них не мог поговорить с природой на ты. И я не мог, мне стало тоскливо.

– Этот мир наш дом, а мы живем в нём так, словно заключены в гробу, – сказал я и, прихватив горсть песка, вернулся в своё временное жилище.

И хотя можно было ночевать еще одну ночь, хотелось схватить рюкзак и бежать вон из города. Некоторое время я сопротивлялся желанию. С одной стороны, хотелось узнать,

чем здесь закончится следующий день. С другой, я уже догадался, что представился случай миновать встречи со стихией, готовой вот-вот разбушеваться.

Ближе к вечеру я вышел на пыльную дорогу и долго пытался остановить машину. Они пролетали мимо, точно за ними гнались черти. Через час и я выглядел, как придорожный призрак.

Наконец меня подобрали, в машине ехало целое семейство. Странно, что они, вообще, остановились. Молодая мамаша за рулем. На заднем сиденье дремал грудной младенец, рядом с погремушкой в руках задумчиво сидел ребенок лет трёх. Их отец предложил место возле детей. Это был хороший знак – меня приняли в младшую группу.

В окружении малышей я покинул пляжные места. За спиной, откуда мы уезжали, сгущались тучи, молнии мелькали, как спицы в черном мотке шерсти. Казалось, мир собирается выпустить самое страшное, что у него есть. Свою злость.

Я сменил несколько машин и, всё также надеясь на чудо, к полуночи добрался до Варшавы. Город жил, не зная тревоги. В больших городах, вообще, отсутствует чувство опасности за окружающий мир. Сидя за крепостной стеной, глядя в экран, трудно угадать, что на самом деле творится во вселенной и откуда ждать угрозы.

Следующим утром в новостях показывали наводнение в Гданьске. Вода гуляла по улицам, унося куда-то обломки мебели, вещи и книги. Были там и корабли, сорвавшиеся с при-

вязи. Всё, как и описывала та женщина.

Крысоловы

Cetra amittimus dum incerta petimus

(гоняясь за сомнительным, мы упускаем верное)

Это было срочное дело – не иначе. Небо, укрытое ворохом грязных тряпок, неделю хныкало и дулось, как капризный ребенок. А в то утро, когда разбудил телефон, над городом раскинулась ослепительная синь. Вряд ли кто-то догадывался, что такая отличная погода связана со мной. Даже сосед, узнавший больше всех, и тот ничего не предположил.

Вчера, как обычно в субботу вечером, он заявился сразу после захода солнца. Застать меня просто – я безвылазно сидел дом. Сосед уверяя, что уважает моё затворничество, навещался раз в неделю. Он назвался Володей, говорил, что ему чуть за сорок, но судя по его воспоминаниям, ему было намного больше. Станным в Володе было всё: от взгляда и жестов до манеры одеваться и присутствовать.

На вопрос о роде его занятий я получил в ответ игривый список профессий в порядке их смены: историк, гувернер, повар, сельский акушер, регент, настройщик, тренер по легкой атлетике, специалист по каучуковым изделиям, переводчик с польского. Чем сосед предпочел заняться сейчас, он не говорил. Я полагал, он шпионит за мной.

– Здравствуй, Саня. Суббота! – Володя с порога одарил хитровой улыбкой и звякнул сумкой.

И хотя у моих родителей никогда не было ни сыны, ни дочки с милым именем Саша, сосед звал именно так. Впрочем, мне не было все равно. Я и сам обращался к гостю с легкой сумасшедшинкой, нарекая дурацкими именами и кличками. Это приводило его в странную эйфорию.

– Привет, Золтон, проходи, – пригласил я. – Будь как дома, пахнидло.

Володя по-хозяйски скинул плащ, прошел на кухню и с интересом заглянул в холодильник.

– Тю, Шурик, – присвистнул он. – Нехорошо, голодаешь опять?

– Просто есть не хочется. – Я так объяснял свои причуды: – У каждого времени своя магическая пища, еще недавно это были вино, сыр, хлеб и чеснок. Сейчас вода и мёд, ну и по субботам, как видишь, вино с тобой.

– Станный ты человек, Александр. Говоришь такие вещи. Мне это непонятно, – качал головой сосед. – Давай-ка по стаканчику, и я принесу картошечки, пожарим.

За полночь наши посиделки были на пике. Володя неплохой лицедей, он читал по памяти стихи, даже кое-что из моего любимого Уолта Уитмена, пел песни собственного сочинения. Имелись серьезные причины полагать о его связи с театром. Однажды я завел об этом разговор, Володя смутился, закашлялся и ловко сменил тему, словно из-за женщины.

– Ну что, старичок, – перебирал он струны гитары, – послушай мою сокровенную, о любви.

Пел он по-своему хорошо, но иногда в пронзительных местах Володя срывался и подвывал как-то по-волчьи дико. Аж пробегала дрожь.

Человек я компанейский. Первая зевота давала о себе знать лишь глубокой ночью, когда я покидал соседа, оставляя его наедине с гитарой и бутылкой вина. Чаще я отключался, только коснувшись щекой подушки. А бывало лежал какое-то время под треньканье гитары и невнятные бормотания Володи. Вчера я уснул сразу и пробудился от телефонного звонка. Три месяца никто не звонил, и вот дождался.

– Доброе утро, Тимка, – щебетала трубка.

По возбужденному радостному смеху сестры я понял, она сообщит что-то важное.

– Ты хорошо меня слышишь, Тим?

Моё полное имя Тимофей, но никто не зовет меня так. Тимофей для меня слишком великоват и мешковат, я смотрелся в нем нелепо и нецензурно. Да и на Тима я с каждым годом тянул все меньше, скорее на какого-нибудь Лагшми-вару.

– Хорошо.

– Слушай.

Вникая в смысл быстро сыпавшихся слов, я понял – дело срочное, я нужен. Сестра звонила с вокзала. Через час она будет ждать на перроне с билетами. Куда и зачем не сказала.

В назначенное время я неспешно шел по перрону, издали заметив знакомую красивую фигуру. Сестра стояла у стол-

ба и уплетала мороженное, наверняка, свое любимое фишашковое. По взгляду я понял, что не следует выражать радость, и встал неподалеку, будто мы незнакомы.

Подошел пригородный поезд. Сестра направилась в вагон, я за ней. Оказавшись в одном купе, я сел напротив и вопрошительно поглядел. Сестра передала билет и приложила палец к губам. Когда в купе появились другие пассажиры, на моем лице блуждала самая простецкая полуулыбка. Словно я неделю, как удачно женился и думал теперь лишь о своих амурных делах.

Ехать оказалось недалеко, поезд миновал несколько дачных поселков, простучал колесами по мосту через уснувшую речушку, мимо тенистого соснового бора, как сестра поднялась к выходу. На платформе мы оказались в компании грибников и дачников.

– Не подскажите, который час. Мои остановились, – спросил я у сестры, делавшей вид, будто что-то ищет в сумочке.

– Подождите, пожалуйста. В моей сумочке завелась черная дыра.

– О, конечно, не спешите, главное не попадите туда рукой.

Сестра, улыбаясь, продолжала поиски. Пронесся последний вагон, дачники и грибники уходили все дальше, и тут сестра на мгновения обняла, нежно шепнув:

– Братишка, как же я соскучилась.

– Как хорошо, что мы снова вместе, сестрёнка, – растроганно просипел я. – Как хорошо...

Последние лет пять мы собирались с сестрой вместе только по делу. А закончив, расставались. Кто мы? Мы – крысоловы, мы ловим крыс. Не тех, которые ночами пробираются в амбар и проедают ваши мешки с зерном. А тех, которые в любое время дня и ночи лезут в ваши души, прогрызая перегородки, отделяющие от кошмара, который всегда рядом.

Мы шли по дороге следом за грибниками.

– Для нас опять есть работа, непростая, – говорила сестра. – Если нам удастся её закончить и с нами ничего не случиться, это будет чудом.

Конечно, то, что мы делали, трудно было назвать работой. Больше походило на фокусы охотников за привидениями. Никто, кроме нас, не знал истинную цену нашего дела. Это не просто занятие не из легких, это адское напряжение. Рискуя собственной жизнью, каждый раз мы спасали от исчезновения чьи-то души и миры. Только такие же крысоловы могли нас понять.

По словам сестры в прошлый раз, когда наша охота на крыс казалось, была особенно удачной, мы оставили некрепкий заслон, и крысы проделали новую лазейку.

Страшнее, чем крысы, за которыми мы охотились, я не видел существ. Жуткие твари подбираются ближе шейной артерии, разрушая хрупкие души, разделявая сознание на объедки. Невозможно их остановить. Ибо наше деление жизни на «да» и «нет», на дозволения и запрещения, на «халал» и «харам», и есть та трещина, расколовшая мир, по которой

перебегают крысы.

От сестры я узнал, что мой сосед никакой не Володя, а Станислав, завербованный польской католической церковью шпион. Он должен был наблюдать за мной, вызывая на откровения, и слово в слово передавать наши разговоры. Его завербовали чуть ли из суфлерской будки. Однако это уже не могло испортить чудесного настроения солнечного дня. Особенно здесь за городом, где было невероятно хорошо. Щурясь от яркого солнца, мы шагали, словно два гамельских крысолова, за которыми скоро побегут здешние детишки.

На самом деле, нам никогда не требовалась плата, и за собой мы водили только помощников. В сосновом бору к нам присоединились еще двое таких же крысоловов. Они были немногим страннее нас. Один утверждал, что его предком был сам Улугбек, знаменитый астроном, внук великого Тамерлана. Праправнук Улугбека говорил, что именно это родство помогает ему вычислять с точностью до секунды, где и когда появятся крысы. Другой утверждал, что, вообще, никакого отношения к людям не имеет, а заслан догонами с Сириуса. Нам все это было неважно, главное, они, действительно, были отличные крысоловы.

У дачного поселка наша компания остановилась, сестра сказала, что нужный дом находится где-то здесь. Рядом в куче песка играли две девочки. Сестра подошла и ласково спросила у выглядевшей постарше:

– Чья ты будешь, девочка?

– Я не буду, я уже есть, – деловито ответила шустрая девчушка и высыпала ведро песка на колени малолетней подруги.

– Вот как, – удивилась сестра.

– Так вот, – последовал ответ.

– Тогда скажи мне, разумное дитя, где здесь старый двухэтажный дом с балконами и металлическим забором?

– На той стороне поселка, но там сейчас никто не живет.

И вы туда не ходите.

– Почему, милая?

– А бабушка сказала, что там завелась нечистая сила.

– Что еще говорила твоя бабушка?

– Как только проголодаюсь, чтобы сразу шла домой.

– А ты ведь проголодалась?

– Да, но домой не пойду.

Познавательная беседа закончилась, и мы двинулись к дому. Стоявший чуть поодаль он, словно насторожившись, наблюдал черными дырами окон за проходившими мимо.

Внутри я сразу понял, насколько здесь плохи дела: аура подпорчена основательно, чернуха валилась на голову чуть ли не хлопьями. Можно было разложить по углам куриные яйца, чтобы поубавить отрицательной энергии. Но времени оставалось мало, и под рукой не было курицы-несушки, да и крыс это изменение могло испугнуть. Сестра сожгла на углях немного корицы, и чуть сняла атмосферу агрессивности. Я предложил еще подбросить порцию с гвоздикой, чтобы до-

бавилось остроумия и спокойствия, но сестра сказала, что с нашей компанией это лишнее.

Решив поискать что-нибудь интересное, я набрел на искусно спрятанную в подвале библиотеку. Книги были весьма любопытны и подобраны в одном направлении. От древних описаний языческих ритуалов, справочников демонологии и книг по алхимии до более современных книг Бернадет Брэди, практической магии Папюса и собрания сочинений Алистера Кроули. Хозяин дома плотно сидел на потусторонней волне и радостям жизни предпочел поиски ада. Ладно манихеи начинали с себя, не оставляя потомства, избавляясь от собственных тел, а ведь другие находят причину, начать с тех, кто рядом.

Я перебирал книги. И вдруг из одной выпала закладка с какой-то записью от руки торопливым почерком. Подняв, я с интересом прочитал: *«...больше нечего ждать от жизни, вчера мне было откровение, я видел, как наяву то, что будет – скоро солнце взойдет с запада, вспыхнет большой огонь, из огня появятся животные и будут разговаривать с людьми».*

– Эвон куда тебя занесло, – прошептал я.

– Что ты тут нашел? – спросил появившийся праправнук Улугбека. – Библиотека Эратосфена в Александрии?

Отличительной способностью моего компаньона было умение передвигаться быстро, бесшумно и с поразительной точностью определять, кто и где находится. Я показал запис-

ку.

– Не знаю, кто послал ему это откровение, но здесь я вижу всего лишь слова из Корана, – заметил правнук Улугбека.
– Однозначно дело крыс.

Да уж, подумал я, крысиный яд может прийти как откровение, которое потом обернется кошмаром.

– Если кто-то намерен посмеяться над жизнью, то она в любом случае его опередит, – произнес правнук Улугбека, словно прочитав мои мысли.

– Да уж, – согласился я.

– Пойдем, перекусим, твоя сестра что-то сготовила, – сказал правнук Улугбека.

Сестра, как всегда, запаслась нужной снедью и стала кормить петрушкой и кукурузными лепешками с финиками и медом. Мы с аппетитом поели, словно именно за этим сюда и заявились. Не ел только посланец догонов. Он, вообще, не принимал ни воды, ни пищи, получая энергию сразу из космоса. При желании его можно было назвать милым парнем, но он больше напоминал чудом ожившего гипсового мальчика.

Мы дожидались темноты. Неожиданно для себя я задремал. Мне приснились птицы, плавающие по зеркальной глади большого озера. Проснулся я от шепота сестры, тихо подувшей мне в ухо:

– Проснись, Тим.

Я открыл глаза и понял, крысы рядом, их приближение

угадывалось сердцем. По нему словно пробежали тени, вызывая беспокойство. Я точно покрывался старческими морщинами.

Как верно заметил наш старый друг Дарси Томпсон: «Существа разного размера являются обитателями разных физических миров». Сто обыкновенных крыс, равных по массе одному слону, сжирают в десятки раз больше, чем скромное травоядное с длинным хоботом. А твари, за которыми мы охотились, как черные дыры, пожирали целые вселенные. Иногда предостерегающие знаки их опасного присутствия и деятельности проявлялись самым странным образом. Так в 1680 году в Норвегии прошел целый дождь из крупных грызунов. Видевшие это решили, что наступил конец света.

Сохраняя тишину, праправнук Улугбека сделал знак, что надо подняться на чердак. Соблюдая осторожность, мы поднялись наверх. Ночь была безлунной и безветренной, лишь издали доносился отзвук, словно кто-то пересыпал песок.

Я подумал, как же странно устроена жизнь. Ведь никто никогда не узнает, на что я ее потратил. Ловил крыс? Что за занятие для живого человека, мечтающего о тихом семейном счастье? Вряд ли оно может привести к чему-то хорошему.

Пространство вокруг вздрогнуло, и большая крыса выскочила из темноты, пытаясь проскользнуть. Свое дело я знал хорошо. Крысу надо впустить в себя и удержать. Когда крыса поймет, что попала не туда, где желала порезвиться, она ринется грызть дыру для побега. И вот тогда наступает бла-

гоприятный момент, чтобы волнами нежности и любви накрыть крысу, потерявшую бдительность в поисках выхода, и разнести её вдребезги. Прием отработан еще первыми фиваидскими отшельниками.

По-другому с крысами расправлялся посланец догонов. Лишь коснувшись его, крысы просто исчезали сами собой, а он с интересом смотрел на остающиеся после них тени. И еще – только он один умел латать дырки, через которые бегали крысы. Мы с сестрой были потомками средневековых крысоловов и быстро научались новому делу, а праправнук Улугбека просто с легкостью вычислял, где крыс нужно искать.

Всё шло своим чередом, крыс было немного, и расправились мы с ними быстро. Только я порадовался, что охота была такой удачной, как понял – дыра не исчезает, а наоборот увеличивается.

Праправнук Улугбека и посланник догонов, посоветовавшись, сообщили, что поблизости сильная крысиная аура, позволявшая дыре существовать, сколько заблагорассудится. Просто так её не закрыть. Единственный способ – поставить заслон изнутри. Как ни печально, но такое дело прокатывало у нашей команды один раз. После того случая я решил, что больше никогда не открою охоту на крыс. Но видя повсюду, какие дела творят крысы и как мало настоящих крысоловов, я вернулся к прежнему занятию. И сейчас, глядя на крысиную лазейку, гадал, выберусь или нет.

– Делать нечего, надо туда прыгать, – сказал праправнук Улугбека.

Посланец догонов, вообще, никогда не разговаривал, а лишь посылал сигналы. Сейчас он посылал сигнал о готовности.

– Ты как? – спросил я сестру.

– Я с тобой, – не колеблясь, откликнулась она.

Такая красавица. Ей бы где-нибудь в кино подрабатывать, а не за крысами гоняться по чердакам. Грустно. Но что поделать, судьба выдает те роли, на которые сгодимся. Они выдаются на руки, как проездные билеты, сразу до конечной станции без пересадок.

– Может, тебе остаться? – предложил я.

– Нет, – отрезала сестра и сделала шаг к дыре.

– Ну хоть не первой, – придержал я.

Сначала прыгнул посланник догонов, потом внук Улугбека, за ним я и сестра. Если вы не знаете, что происходит там, где блуждают крысы, жрущие ваши души. То лучше вам и не знать. Потому как, понятное дело, цветами там и не пахнет. Там, вообще, ничем не пахнет, и ничего нет. Пустота. Бессмысленная и ненавидящая всё живое. Изначальная, как ужас смерти, безнадежная, как точка.

Единственная возможность выбраться для крысолова, если он попал туда по своей воле, это на время стать крысой. Да, только так. Стать тем, кого ты ловишь. Для настоящего крысолова, знающего повадки крыс, совсем несложно. Ведь

крысы такие же охотники, как и крысоловы. Опасность заключается в одном. Задержавшись, можно навсегда остаться крысой. Если вы туда попали, постарайтесь выбраться, как можно скорее. Иначе не найдется никого, кто бы вам позаивидовал.

Вчетвером мы неслись во мраке. Страх не было, ибо сгинуть здесь так же естественно, как спать ночью. Нашей надеждой был праправнук Улугбека, безошибочно чувствующавший любые лазейки. Но кажется, в этот раз ему тоже пришлось трудно. Я чувствовал, как теряю себя и становлюсь настоящей крысой. И уже не понимал куда несусь. Нутро моё заполнялось пустотой, готовой сожрать, уничтожить любую форму жизни, попадись на пути.

Последний проблеск сознания был, когда я вспомнил о любви. О том, сколько счастья сулил мир, сколько радости я в нем испытал, и какая эта малая часть по сравнению с тем, что ожидало впереди. Не помню, кто сказал, что цена этой жизни – ячменное зерно. Как бы не так. Цена это жизни – другая жизнь, и я безумно хотел жить.

Что-то сотряслось, меня перевернуло, и я полетел куда-то вниз. И последнее, что почувствовал, был сильный удар...

– Эй, ты живой? Тим! – донесся откуда-то издалека голос сестры.

Я открыл глаза. Было темно, но это была земная темнота, и в ней проступали очертания сестры.

– Где мы? – слабым голосом спросил я.

– В подвале какого-то дома.

– А где остальные?

– Не знаю.

Мы осторожно двинулись через темноту. Скоро выяснилось, что это подвал того же дома, куда прибыли накануне вечером. Мы поднялись на чердак. Крысиной лазейки не было. И следов наших товарищей тоже.

– Может, еще объявятся, – предположил я.

– Ой! Ой! Смотри! – вдруг испуганно закричала сестра так, что я на метр подскочил на месте.

Сестра указывала мне за спину. Я быстро обернулся и обнаружил причину крика. Крысиной хвост немалого размера торчал из моей задницы.

– О боже! Как же так! – запричитала сестра. – С остальным у тебя всё в порядке?

– А у тебя?

Мы осмотрелись. Больше у себя ничего такого я не обнаружил. Только сестра нашла у себя на предплечье странный серый пушок, правда, больше похожий на родимое пятно, которого не было. Впрочем, это ерунда, с таким дефектом можно выйти замуж. А вот мне как быть? Тут не то что жениться, даже просто на улицу не покажешься. Разве что в цирке выступать. Внимание! Внимание! Впервые! И только у нас! Гвоздь сезона! Звезда Черных Дыр! Человек-Крыса! И Его Карающий Хвост! Встречайте!

Не успел я представить сценарий своего бенефиса, насла-

даться аплодисментами и цветами, как откуда-то из темноты кубарем выкатился праправнук Улугбека. И без всяких приветствий и вопросов сходу напал на хвост и отрубил под корень, чем сразу перечеркнул мою будущую карьеру циркового артиста.

Пока мы с сестрой боролись с потоками крови, праправнук Улугбека обрисовал сложившуюся картину. Оказалось, нас каким-то чудом спас посланец догонов, но сам исчез. Из нашей жизни может быть навсегда. Также выяснилось, что нам нужно немедленно бежать отсюда. Огромный выброс энергии, произошедший здесь, заинтересовал уже всех, кого только мог заинтересовать.

– А как же ты? – корчась от боли, спросил я.

– У меня дела, – пространно ответил правнук Улугбека. – Я теперь не ловлю, я теперь возвращаю сожранное крысами...

– Это как?

Но он исчез также внезапно, как и появился. Мы тоже не стали медлить и к рассвету благополучно убрались подальше от злополучного места.

В общем, на этом пока всё и закончилось. Если не считать воспоминаний и снов. Да, и еще... Хм. Шрам чуть ниже поясницы остался большой. Но женщинам я говорю, что он боевой. В принципе, так оно и есть.

Сестра живет далеко, чем занимается, не знаю. Частенько звонит и спрашивает, как здоровье, видимо, подразумевая,

не выросло ли у меня чего-нибудь ещё. А в моей жизни за-тишь. Так, ничего необычного, суета, чаще приятная, как у всех. Но я наблюдаю за миром и о том, что нас ждет, дога-дываюсь. Чувствую, как крысы шастают между мирами. Их стало больше, они всегда поблизости.

Не буду скрывать, во мне и самом что-то осталось от кры-сы. Слишком долго я был крысоловом, и в последний раз чуть сам не канул в пустоте в шкуре крысы. Сейчас я на па-узе, так надо. Но кто-то должен ловить этих тварей, спасая слабые души. И кто же, интересно, этим занимается теперь?

Рыцарь, Корсар и Джокер

Мой сосед явно что-то замышлял. Можно было не сомневаться. Третий день я наблюдал за ним в окно и прекрасно видел из уютного кресла, восседая с набитой трубкой, как с утра до вечера пройдоха бегал по двору, как угорелый, переносил что-то из дома в гараж, подозрительно поглядывая по сторонам. Вряд ли он догадывался, что через дорогу наблюдатель оценивает каждое его движение.

Не надо быть сыщиком, владеть дедуктивным методом, чтобы понять, у соседа творится что-то неладное. В таких делах меня не проведешь. Конечно, можно было не скрыватьсь, выйти во двор и как ни в чем не бывало крикнуть:

– Эй, сосед! Чего суетишься? Случилось что?

Вопрос явно застал бы соседа врасплох. И он, бледнея, стал бы плести что-то о начатом ремонте, о потекших трубах. Но я бы пресек эту болтовню и крикнул, чтобы услышали все:

– Да ладно скрывать! Я всё знаю! Ты что там у себя в гараже нефтяную скважину пробурил? Ха-ха-ха!

Это добило бы моего соседа окончательно. Я его знаю. Пунцовый от смущения, жалея, что не может провалиться сквозь землю, он стал бы нести ахинею о трудностях холостяцкой жизни и незнании законов. А я бы, не слушая, прошел к нему в гараж и пинком раскрыл разом и дверь, и все

его планы. Вот тогда бы мы на него поглядели.

Но так серьезные дела не делаются. Так только дети играют. Я продолжал наблюдение и ждал своего часа. Знакомый цыганенок заносил мне бэнг, я начинал трубку и наблюдал. Я сидел у окна даже ночью, когда сосед время от времени включал и выключал свет. Можно было подумать, он подаст кому-то сигналы. Однако я был уверен, что он там что-то ладит и, когда нужно свет включает, а потом сразу тушит. Хитер, нечего сказать. Но ведь и я не простачок.

Рано утром, когда солнце поднялось за моим домом и осветило весь соседский двор, предчувствие подсказало – сейчас начнется. Не успел я вытрясти пепел из второй за утро трубки, как из дома соседа вышли трое. Откуда они там взялись – такой вопрос у меня даже не возник.

Они могли незаметно прокрасться в темноте, спокойно проползти по заранее вырытому подземному ходу или просто спуститься через дымоход. Это было не главное. Главное, что они были не местные, не из нашего квартала. Совсем не похожие на здешних торчков и пьяниц, и не такие быковатые, как дальнобойщики, пьющие дешевое пиво в барах соседнего квартала. Они были совсем другие.

Вместе с соседом они прошли из дома в гараж. Причем сосед услужливо бежал чуть впереди, припрыгивая, как подстреленная утка. Когда они скрылись в гараже, я понял, дело закрутилось.

Не успел я, как следует раскинуть мозгами, с чего начать

действовать, как в дверь позвонили. В необъяснимой спешке я даже не надел тапочки и не глянул в дверной глазок. Открыл сразу, как родной мамочке. На пороге стоял один из тех троих. Только я собрался удивиться его внезапному перемещению из соседского гаража, как он заговорил:

– А я ведь знал, что ты не простачок. Только к чему тебе всё это?

– Действительно, ни к чему, – согласился я и попытался закрыть дверь перед его носом, прошептав: – Мне нужно накинуть халат.

Но гость ловко подставил ногу и, наклонившись, предупредил:

– Халат не нужен. Ты только не ори, дурень, а то хуже будет.

Я кивнул, нутром понимая, что орать не надо.

– Покурил с утра, – добродушно заметил незнакомец, проходя в дом, – балдеешь потихоньку. Радостно.

Я был потрясен яркой наружностью незваного гостя, и прежде всего его глазами. Внимательными, глубокими, я бы сказал, неземными. Я не глядел в них, а падал, как в колодец, глубже и глубже. Чем дальше в них глядишь, тем меньше остается от тебя самого. Поэтому мне приходилось уворачиваться от взглядов незнакомца, как от прицелов снайпера.

– Вы кто? – спросил я, когда незнакомец взял в руки мою еще горячую трубку.

– Я – Корсар, – ответил гость.

И хотя сказал он негромко, показалось, вслед за словами прозвучал отдаленный грохот, словно где-то рухнули балки, поддерживавшие старую крышу. Этот парень со своими дружками здесь точно не по шуточному делу, подумал я. Однако причем здесь мой сосед, он же большой травоядный кролик, по жизни хлопавший ушами, как крыльями. Этот вопрос мучил меня больше всего, но спрашивать вот так в лоб я не решался.

Корсар тем временем внимательно осматривал дом и обстановку. Хотя какая там обстановка. Так себе. Старый вмятый диван, рядом такое же кресло, картинки на стенах, на полках книжки, журналы да восточные безделушки, на полу пустые бутылки и коробки из-под еды.

– Нормально ты устроился, без затей, – осмотревшись, улыбнулся Корсар. – Не надоело?

– Не знаю, – пожал я плечами и, не выдержав, выпалил: – А что мой сосед с вами заодно?

– С чего ты взял? – удивился Корсар.

– А я вас видел только что вместе, вы шли в гараж.

– Твой сосед такой же балбес, как и ты, напридумывал себе всякой чепухи, забил голову дрянью и еще надеется...

Не успел он договорить, а я узнать, на что же надеется сосед, как моя дверь, сорвавшись с петель от сильного удара, влетела в дом. На пороге стоял еще один гость из той же компании. Мало того, что выглядел он также по неземному завораживающе, так он еще и одет был замысловато. В отли-

чие от Корсара, наряженного в разбойничьи лохмотья, одежда нового гостя была скроена из дорогой ткани, я понял даже не будучи портным. Он смотрелся принцем самых голубых кровей. Правда, слишком хмурым принцем. Но так как из-за плаща торчал увесистый позолоченный эфес шпаги, то ему, верно, никто и никогда не делал такого замечания.

– Что случилось, Рыцарь? – спросил Корсар.

– Я отрубил ему голову. Он не ответил ни на один вопрос, – невозмутимо проговорил заявившийся Рыцарь и махнул рукой в мою сторону. – А что делать с этим?

От взмаха его руки воздух заколебался, и меня качнуло, словно рядом пролетел реактивный самолет. Мало сказать, что я был взволнован вниманием к себе столь странных персон. Я был так испуган, что даже чуть-чуть пописал в левую штанину.

– Ты нас боишься? – спросил Рыцарь.

Догадываясь, что именно мой сосед был неудачником в ответах на вопросы Рыцаря, я решил быть предельно откровенным. Мало ли, может, нас всех здесь в чем-то подозревают.

– Да, – искренне кивнул я.

И тут вопросы посыпались на меня один за другим, как на перекрестном допросе. Один хлеще другого. Все-таки меня в чем-то подозревали.

– Когда ты последний раз спал с любимой женщиной?

– В прошлом году.

– Сколько человек ты обманул?

– Много. На этой неделе троих.

– Кто рассказал миру историю про безумного старика, явившегося из Бездны?

– Не знаю. Вы?

– Семью восемь?

– Сорок восемь.

– Семью восемь сорок восемь?

– Да.

– Кем стал маленький капрал?

– Императором.

– Что значит, быть не таким как все?

– Не ходить на работу, не любить футбол.. Нет! Не то. Подождите!

– Знаешь ли ты о себе какую-нибудь тайну? – не давая опомниться, спрашивали они, чуть ли не хором.

– Не.. Ой да, знаю, кажется...

– Кто такой Альдровандус? – не останавливались они.

– Голландский тренер?

– Веришь ли ты в загробную жизнь?

– Сейчас да, верю. Очень!

– Что ты хочешь знать?

– Когда все это закончится.

Засыпанный вопросами, как первым снегом, я уже перестал понимать, что говорю, и отвечал первое, что приходило в голову, как на передаче «Сто к одному».

- Пишешь стихи?
- Нет, только письма.
- Хочешь быть таким, как Тату Муганда*?
- Да, а кто это...
- Любое время – время для всего?
- Для всего. Для чего...
- Споешь нам что-нибудь?
- Что?
- Что лучше быть дураком или богатым?
- Богатым дураком.
- Ты спишь с мужчинами?
- Нет, только пью и дерусь.
- Твое главное желание.
- Чтобы вы исчезли, ой...
- Во что ты веришь?
- В херню всякую.
- Кумиры твоего детства?
- Буратино. Джон Леннон. Незнайка
- Твое любимое занятие?
- Накуриться и читать музыкальные журналы.
- Тебе стыдно за свою жизнь?
- Да разве это жизнь...
- Продал бы свою душу?
- За сколько? Кому?
- Кем устроен этот мир?
- Вами!

Неожиданно вопросы прекратились, видимо, они поняли, что я теряю остатки ума. Покачиваясь, как контуженый боец, я видел своё изнеможенное отражение в зеркале. Как не крути, а подобные тесты выматывают до последнего.

– Он ответил только на один вопрос, – бесцветно проговорил Рыцарь.

– Что ж, хорошо, – сказал Корсар, – у него есть хотя бы один шанс.

– Есть, – согласился Рыцарь.

– Тяни карту! – услышал я за спиной насмешливый голос, словно запищала волынка.

И почувствовал сильный, но не больный, толчок в бок.

Я обернулся и увидел перед собой странного малого. Шут да и только. Его большая улыбка буквально цеплялась за уши. Он так смотрел на меня, словно в стране дураков для меня давно прописано местечко.

– Тяни карту, дурачок, – сказал шут и потряс своим колпаком, из-под которого донесся звон невидимых колокольчиков.

В руках у шута было три карты, а на их рубашках были почему-то нарисованы гильотины.

– Вытянешь джокера, тебе повезло, – весело заливался шут. – Вытянешь даму червей, тянешь по новой. А если попадется туз пик, то извини.

– Как это извини? – не понял я.

– Да никак, это же игра, дружок. Игра! Всего лишь! Но

учти, проиграешь, голову тебе отрубят по настоящему. Ха-ха-ха! Ха-ха-ха!

Смеялся он очень заразительно, и хотя шутка была весьма зловещей, мне тоже захотелось смеяться и прыгать, как он. То ли я, и правда, был дурак, толи это было такое наваждение.

– Тяни, тяни, – продолжая весело кривляться, торопил шут. – Ты же на сегодня не последний.

Протягивая руку к картам, я вжал голову в шею и закрыл глаза. Когда рука моя дернулась, в ней осталась одна карта. Сердце на миг остановилось, не зная еще, остается с нами голова или нет. Потом один глаз как-то сам собой открылся, и я увидел нарисованного на карте джокера, копия того, что запугивал меня. Он был живой и ковырялся в носу.

– Повезло, – подмигнул он, и карта вдруг выпорхнула из моих рук и улетела.

Корсар зевнул, погрозил мне пальцем и тихо растворился в воздухе. Его приятель, Рыцарь, даже не глянув в мою сторону, не снимая ладони с эфеса, тоже ушел куда-то сквозь стену.

Последним дом покинул джокер, он еще немного попрыгал вокруг меня, помахивая шутовским колпаком. Потом щелкнул меня по носу и, крикнув: «ну, пока, запомни, еще увидимся», выпрыгнул прямо в окно.

После их ухода, я еще долго стоял, как замороженный, и думал лишь об одном. На какой же вопрос я ответил пра-

ВИЛЬНО.

Альдровандус – ученый-исследователь средневековья, написал пространную книгу о Мадагаскаре. *Тату Муганда* – прозвище Че Гевары, когда он был в Конго, означает Исцеляющий.

Сила и волшебство

Однажды вечером четверо героев: Редерик Палладин, Алексис Лучница, Сирена Клерик и Золтон Колдун, отправились по важному делу в окрестности замка Аламор. Накануне поблизости, на острове Грязных Угрей, Золтон установил телепорт, и вся компания нагрянула туда прямо из таверны «Одинокий Рыцарь».

На западе от острова водились морские змеи невероятных размеров, а через пролив на соседнем острове лежал каменный круг друидов, куда позарез нужно было пробиться к равноденствию.

– Ну что, Золтон, давай, читай заклинание, – бесцветным голосом предложила Алексис Лучница, – и пойдём мы по воде, аки посуху, в поисках этого чертового каменного круга.

– Круга камней, – таким же безжизненным голосом поправил Редерик.

А Золтон и в ус не дул, так и стоял, ковыряя в зубах острием кинжала.

– Ты чего? Уснул? – толкнула его Редерик.

– Надоело мне.

– Что?

– Всё...

– Что всё?

– Вся эта сила и волшебство.

– Почему? – удивился Редерик.

– Без толку это.

– Ну вот только освоились, а ты ноешь, – вмешалась Сирена Клерик.

– Я не ною, пустая твоя голова, – огрызнулся Золтон.

– А твоя, значит, полная. Может, поглядим, чем она таким заполнена? – предложила Сирена, помахивая молотом.

– Ладно, не шуми, – зевнул Золтон. – А то ведь, и вправда, голову разнесешь, шальная.

Он прочел заклинание, и компания двинулась пешком по воде на запад. Вскоре из воды стали появляться морские змеи и монстры.

– Вот они твари, – поморщилась Алексис Лучница. – Господи, да их здесь тыщи. Меня уже тошнит от них.

– Будем на них смотреть и тошниться или все-таки постреляем? – спросила Сирена.

Она наладила арбалет и стала пускать стрелу за стрелой в болтавшиеся над водой головы гадов. Остальные герои старались не отставать и не жалели сил. Только Золтон делал своё дело через раз и что-то бормотал под нос. Змеи в свою очередь отплеывались какой-то гадостью, от которой по телу шли ожоги и язвы.

Через час от ребят живого места не осталось.

– Золтон, дружище, немедленно телепортируй нас к фонтану жизни в Свободную Гавань! – прокричал Редерик Палладин. – Скорее! Скорее!!

Для Золтона такой фокус был раз плюнуть, и он сразу перенес всех гуртом к фонтану жизни. Герои попили водички, приожили, помолодели и задумались: чем же дальше заняться, стоит ли возвращаться на остров или попытать счастье в другом месте?

– Да, собачья жизнь, – проговорил Редерик Палладин. – Бегаешь, кидаешься на всех, а толку ни на грош.

– Ничего себе ни на грош, – возмутилась Сирена Клерик, – смотри, сколько добра накупили! Как приоделись! Какое у нас теперь оружие! А сколько заклинаний знаем! И сколько еще всего будет!

– А толку? – ввязался в спор Золтон.

– Станем еще сильнее и всех победим, – как-то неуверенно поддержала подругу Алексис Лучница.

– А к чему оно нам?! – распаялся Золтон. – Ответь! Ну!

– Ты нас вопросами не путай! – тоже вспылила Алексис. – Если тебе чего-то не хватает, то так сразу и говори, мол, я хочу того и того-то.

– Я хочу одного – понять всё.

– Что понять?

– Кто всем заправляет? – повысил тон Золтон. – Кто он?

– Ну и поймешь ты, кто этим заправляет! Тебе легче ста-

нет?! – тоже кричала Алексис.

– Легче!

– Вот победим всех гадов, тогда и поймешь, – попыталась успокоить друзей Сирена, – мы сразу все и всё пойдем.

– Как же, победишь их, – горько усмехнулся Золтон, – тут этих уродов, как блох на бездомной собаке.

– И что теперь? Ты что предлагаешь?

– Не знаю. Я как раз об этом и размышляю.

– Ты не размышляешь, а панику сеешь.

– Нет, размышляю, – уперся Золтон.

– А пока ты размышляешь, нам что делать? – спросил Редерик.

Не успел Золтон ответить, как в небе появились алмазные горгульи. Они нападали на всех без разбора и тоже были не прочь поплеваться какой-то дрянью. Мало какое оружие могло их прикончить, тем более что от взмаха их крыльев разряжался воздух.

Полдня герои бегали от горгулий, уворачиваясь, насылая единственное действенное заклинание солнечного взрыва. Тварей было около сотни, и пока ребята с ними разобрались, умотались так, что ни есть, ни пить не могли. Побросали языки на плечи и уставились друг на друга.

– Не знаю, что в этом занятии интересного, – задыхаясь, сказал Золтон, – но, глядя на нас, можно подумать, что лучшего дела не найти.

– Предлагаю пойти и напиться в харчевне «Зуб гоблина»,

– отозвался Редерик Палладин. – Прямо сейчас.

– Ага, опять нажрёмся, – недовольно отозвалась Алексис,
– и будем икать до утра.

– Хм, не знаю как вам, а мне хочется нажраться и икать
хоть до утра, хоть до следующей весны, – честно признался
Редерик.

– Кстати, а вы слышали, что лорд Корлагон выполнил ри-
туал бесконечной ночи и стал лихом? – спросил Золтон.

– Нет!!! – разом удивились все.

– Ну вы даёте! – в свою очередь удивился Золтон. – Это
же последние сплетни!

– И где он теперь?

– Говорят, он где-то в своём поместье недалеко от болота
Проклятых.

– Тю, куда его занесло.

– Слушайте, мы же были там, – вспомнила Сирена. – Ни-
какого Корлагона там не было.

– А ты думаешь, его стервеца так просто достать? – ух-
мыльнулся Редерик. – Да его теперь до скончания дней ни-
откуда не выковыряешь!

– А что же мы скажем лорду Альберту Ньютону? – спро-
сила Алексис. – Ведь он ждёт, когда мы отнимем кристалл
Терракса у лорда Корлагона.

– Ты ничего не путаешь, разве это мы ему обещали? –
нахмурился Золтон.

– У меня всё записано.

– И что у нас первое на очереди?

– Разобраться с погодой для лорда Стромгарда.

– Это как?

– Третий год в его краях длится зима. Дело ясное – колдовство.

– И где советуют искать средство от зимы? – без особого энтузиазма поинтересовался Золтон.

– В храмах нового божества Баа.

– И кто советует?

– Простые люди с улицы.

– Простые люди с улицы, – передразнил Редерик. – Да они иногда такую чушь несут, что голова кругом от их бреда идет.

– Да уж, – приснул смешком Золтон. – Я на днях познакомился с одной местной дурочкой по имени Элеонора. Так она весь вечер твердила про какой-то мост, владелицей которого она станет и разбогатеет. Я даже согласился ей немедленно помочь, хи-хи...

– Пойдемте хоть пожрем, что ли! – перебил Родерик.

– А на утро, когда мы расставались, – желая дорассказать, перескочил вперед Золтон, – она заявила, что труба даёт мудрому человеку кое-что, чтобы думать относительно и дурака, чтобы кое-что придерживать во рту. Повторяю слово в слово. Я и не понял, что она имела в виду.

– Я же говорю, все эти люди не дружат ни с головой, ни с языком и плетут что ни попади.

– Пойдемте уж перекусим, – не выдержала Сирена Клерик.

И герои пошли позвать, с Сиреной редко по-настоящему спорили. Она была экспертом в черной магии.

В закуской с романтической вывеской «Иней и поводья» герои встретили Андовера Потбелло, завсегда «Одинокого рыцаря».

– О, нет! – закричал Андовер, увидев героев. – Только не говорите, что я не платил вам! Вы уже получили ваше золото!

И он тут же побежал прочь.

– Постой, приятель! – кричал ему вслед Золтон. – Мы не собираемся к тебе приставать! Ты нам ничего не должен!

Но тот, не слушая, бежал, наверное, до самого подножья Ледяных гор.

– Кто напугал этого милого человека? – спросил Родерик.

– Ты же и напугал. Целый год при каждой встрече требовал с него деньги за доставленное письмо.

– Не помню, – покачал головой Родерик, – ни его, ни письма.

Расположившись за столом, герои занялись трапезой. Жаркое и вино их успокоили.

– Слышь, а давайте, махнем в цирк Солнца, – вдруг предложила Алексис, – он будет в декабре около торгового пути на севере от замка Железного Кулака.

– Н-да, в цирке хорошо, – мечтательно протянул Золтон. –

Можно сыграть на удачу и выиграть золотую пирамидку или бочонок вина.

– Лучше бочонок вина, – заметил Родерик.

– Точно, – согласился Золтон.

– А помните, как мы полгода гонялись за цирком, чтобы найти принца Николая! – тоже обрадовалась воспоминаниям о цирке Сирена.

– Ха, помню, маленький негодник убежал от своего дяди лорда Хэмфри! – хлопнул кружкой об стол Золтон. – И вряд ли бы нашел дорогу домой, если бы не мы!

– Конечно, не нашел бы, – кивнул Родерик. – Хорошо хоть хозяин цирка не стал его прятать от нас.

– Подожди, а как его звали?

– Кого?

– Хозяина цирка.

– Не помню, – покачал головой Родерик.

– И я не помню.

– Решено, в декабре идем в цирк Солнца, – подытожила Сирена Клерик. – Навестим хозяина, поиграем на удачу и на интеллект.

– А сейчас у нас что?

– В смысле?

– Какой месяц.

– Ноябрь, кажется, только начался.

– Порядочно еще до декабря. Что делать будем?

– Мочить всех, кто с оружием встретится нам на пути! –

отрывая последнее мясо с кости, прорычал Редерик.

– А может, на остров Отшельника махнём? – предложил Золтон. – Там у меня портал установлен.

– И что там? – спросил Родерик.

– Не помнишь?

– Ты же знаешь, после того, как меня друиды контузили, я забываю почти всё на следующий день.

– Хорошо тебе. А, вообще, там гидры и титаны, – многозначительно напомнил Золтон. – Они нас на раз-два в ключья порвут. Вот будет весело!

Набив пуза, отоспавшись, герои отправились на остров Отшельника. Не успели они объявиться на берегу, как с трех сторон на них напали пятиглавые гидры и титаны ростом с дозорную башню.

Не успевали герои убить одну гидру, как двое храбрецов уже были трупами. Оставшиеся в живых еле успевали телепортировать мертвецов, оживляли их, и они тут же отправлялись обратно. И битва продолжалась.

Несколько дней без сна и отдыха ребята натягивали тетеву и махали мечами налево и направо.

– Всё, капец, не могу больше, – наконец не выдержала Алексис. – Им же конца и края нет. Ладно бы одни гидры, а то еще эти тупоголовые титаны.

– Валим отсюда, – поддержала Сирена.

И компания героев дружно убралась в острова Отшельника, прихватив из храма Баа лишь кристалл памяти.

– Далеко еще до декабря? – спросила Алексис, когда они расположились в трактире «Сломанная сабля».

– Еще пару недель.

– Ребята, айда в Кригспайер, – предложил Золтон, – у меня и туда телепорт есть. Спустимся в пещеры Драконовых наездников, посмотрим на Великого червя.

. – Это еще кто? – поморщился Редерик.

– А что, – оживилась Сирена, – в пещерах проходы узкие, окружить нас будет невозможно. А уж мы-то своего не упустим.

– Только потом сразу в цирк. Обещаете? – вздохнула Алексис.

– Обещаем.

Переправились герои в Кригспайер и пошли через горы к пещерам. Вдруг смотрят – одинокий домик стоит.

– Заглянем? – спросил Золтон.

– Заглянем, – решили остальные.

В доме сидел отшельник, невообразимо тощий в белом тюрбане.

– Вы пришли по поводу зимы? – спросил он гостей с порога.

– Какой еще зимы? – не понял Редерик.

– Да, да, точно, мы по поводу зимы, – сообразила Сирена Клерик.

– Заждался я вас, век нирваны не видать!

– И что нам делать теперь?

– Идите к лорду Стромгарду и скажите, что всё в порядке.

– Уже?

– Да, уже.

Не прошло и пары часов, как ребята уже толкались в приемной у лорда Стромгарда. Он сам вышел к ним навстречу, простирая объятия.

– Друзья, как я рад! На улице теплеет! Снег тает! Значит, вы добились своего!

– Конечно, иначе и быть не могло! – воскликнули герои разом. – С нами сила и волшебство!

– Что же, будьте уверены, в Совете я буду на вашей стороне! – убедительно произнёс лорд Стромгард.

– Как всё просто получилось. И странно... Хм, снег тает в конце ноября... Да, а зачем нам этот совет? – спросил Редерик, когда аудиенция закончилась.

– Ты и этого не помнишь?

– Неа.

– Чтобы попасть к Оракулу, нужно добиться разрешения Высшего Совета, – стала объяснять Сирена. – В совете представители шести лордов. Чтобы заручиться их поддержкой, мы должны выполнить все их задания.

– И много этих заданий осталось?

– Осталась только леди Флейс. Мы должны пофиксить прайсы всем девяти конюшням её королевства.

– А что значит – пофиксить?

– А кто его знает, – пожала плечами Сирена, – она так

сказала, пофиксите прайсы, и больше ничего.

– Гм, а зачем нам, вообще, оракул?

– Он знает, как победить зло.

– Круто. А может, он и есть это самое зло? – предположил

Редерик.

– Дурак ты, Редерик, а не лечишься.

– А что?

– Да ничего.

– А когда оракул поделится знанием, как победить зло, и заварится нехилая каша? Нам одним её расхлебывать?

– спросил Редерик

– А кому же еще.

– Свинство какое-то, – сплюнул Редерик.

– Идея! – воскликнула Алексис. – Давайте, еще раз к отшельнику зайдём. Вдруг он и прайсы заодно пофиксит.

Идея всем понравилась, и герои вскоре топтались у дома отшельника.

– Стучи в дверь, – сказала Сирена Родерику.

– Почему я?

– Без почему, стучи и всё.

– Кто там? – услышал их спор отшельник.

– Это мы, ваши старые знакомые, – заглянув в дом, вежливо обратилась Сирена. – Так было приятно с вами пообщаться, что мы опять пришли.

– Ребят, мне тоже было приятно. Только я не Санта Клаус, я отшельник. Не надо здесь без толка ошиваться.

– И всё?

– Что значит и всё?

– Больше ничего дельного не скажете?

– Ничего.

– Ну мы тогда пошли.

– Идите, ребята, идите.

– Ну что, ре-бя-та, – насмешливо оглядел компаньонов

Золтон. – В пещеры Драконовых наездников?

– Давай, в пещеры так в пещеры.

Пещеры были переполнены рыцарями смерти, охраняющими Великого червя. Чуть ли не в каждой подземной галерее хранилось такое количество сокровищ, что, грабя награбленное, герои позабыли обо всём на свете. Лишь когда с полными мешками уже было невозможно ходить, Алексис вдруг вспомнила:

– Какое сегодня число?!

– Надо на небо глянуть, – сказала Сирена.

– Так давайте же скорее глянем, бежим наружу!

Так и сделали.

– Середина декабря, – сразу же уверенно сообщила Сирена.

– Цирк! – закричала Алексис. – Он же скоро уедет!

– Успеем, – успокоила Сирена. – Сейчас сдадим награбленное барахло и сразу в цирк.

К вечеру герои уже спешили по северной дороге от замка Железного Кулака в сторону цирка Солнца.

– Вон они! Я вижу их! Кибитки! – закричала Алексис.

– Блейз, – вдруг сказал Золтон.

– Что блейз? – не поняла Сирена.

– Хозяина цирка зовут Блейз.

– Точно, и я вспомнила.

Герои подошли ближе и заглянули в самый большой тент, там в одиночестве сидел грузный мужчина средних лет.

– Привет, Блейз! – поздоровались герои. – Узнаешь нас?

– Как же не узнать героев, о которых говорят в каждом трактире!

– Так уж и в каждом? – подмигнула Сирена Блейзу.

– Говорю вам, в каждом!

– Ну и славно. А мы вот, как видишь, пришли развлечься.

– Поздно, друзья. Очень сожалею, но все аттракционы разъехались. Я остался один, ждать посыльного от лорда Осрика. Мне должны вручить грамоту с каким-то важным сообщением. Увидев вас, я уж подумал, что вы от лорда Осрика.

– А мы не от лорда Осика? – с надеждой спросил у компаньонов Редерик.

– Как уехали? Не может быть! – не верила Алексис. – Где же их искать теперь?

– Сожалею, но до апреля сезон закрыт, – развёл руками Блейз.

– До апреля, – жалобно вздохнула Алексис.

– Ничего не поделаешь, но я могу подарить вам бочонок

вина.

– Давай его сюда, – немного оживился Золтон.

Бочонок перекочевал к нему.

– Что ж, пока, Блейз.

– Пока, ребята. Очень жаль, что так получилось. Не забудьте, что в апреле нас надо искать в предместьях Блэкшира.

– Если мы доживем до апреля, Блейз.

– О, в этом то я не сомневаюсь!

Герои были расстроены неудачным походом в цирк, что и говорить. И отойдя немного от опустевшего цирка Солнца распили бочонок вина.

– Маловато, – облизнулся Редерик, – вперед в «Воющую луну»!

И герои телепортнулись в знакомый трактир.

– Баста, надоело! – восклицала пьяная Алексис. – Я тоже так больше не могу! Кругом одни уродцы и паганцы, а мы их косим и косим, словно наместники смерти, и нет тому ни конца, ни края!

– Я вспомнил одну маленькую симпатичную девчушку, – задумчиво проговорил Золтон. – Она спросила меня, почему, мол, взрослые всегда вынуждены биться? Почему не могут просто поговорить?

– О чём ты будешь говорить с людоедами, гоблинами и скелетами? – спросила Сирена.

– А, может, и найдется о чём поговорить, – предположил

Золтон, – это они с виду злые и не разговорчивые. А кто знает, какие они внутри.

– А мы разве не пробовали с ними поговорить? – спросил Редерик.

– Может, больше не будем никого убивать, – всхлипнула Алексис.

– Тогда нас прикончат, – без тени эмоции сообщила Сирена.

– Ну и пусть, – упрямыствовала Алексис, – ведь этим же всё не закончится.

– Вот как раз тогда для нас всё и закончится.

– Откуда ты знаешь?

– Знаю.

– Точно?

– Точно.

– А я не верю! – топнула ногой Алексис. – Не верю!

– А кто из нас во что верит? – задумчиво спросил Золтон.

– Я в то, что мы не можем убивать сколько угодно, потому что зла от меньше не станет, – заявила Алексис.

– Его будет больше, если мы остановимся, – сказала Сирена.

Алексис выдула полкувшина вина и хлопнула его о стол.

Осколки разлетелись в стороны, и посетители, не разобрав в чем дело, затеяли драку между собой. Помахав немного кулаками, герои вышли во двор отдышаться. Звезды блестели на небе, как драгоценные камни, лежавшие в карманах

героев.

– Вот тебе и сходили в цирк, – вздохнула Алексис.

– Да уж, – поддержала Сирена, глядя, как посетители вылетают в окно.

– Зачем мне такая сила и волшебство, если даже в цирк нормально не сходить, – опять вздохнула Алексис.

Сирена промолчала, подругу она любила и уважала, но больше она любила силу и волшебство.

– Нет, что ни говори, а если нам в чем-то одном не везет, то повезет в другом, – глубокомысленно заметил Редерик. – Я так думаю, что пока мы тут всех демонов не разгоним, нам никакого цирка не видать.

– Наверное, ты прав, дружище, – неожиданно согласился Золтон. – Наше мнение не интересует тех, кто крутит эту шарманку. От нас ждут не философских трактатов, а братских могил, заполненных демонами разных мастей.

– Ага, и лучше нам не переживать по этому поводу.

– Точно, не забивать себе голову.

И не сговариваясь, Золтон и Редерик стали ловить тех, кто вылетал из «Воюющей Луны», и закидывать обратно.

– Что ж, подружка, – последний раз вздохнула Алексис, – видимо, так суждено нам, не отвертеться ни от силы, ни от волшебства, ни от всего, что с ними связано.

– Может, оно и к лучшему.

– Может, и к лучшему. По крайней мере, узнаем этому цену.

– Ага.

Подружки обнялись и пошли прочь от «Воющей луны». Закинув последнего посетителя в трактир, Золтон и Редерик догнали подружек на спуске с холма и, ни о чем не спрашивая, пошли рядом.

Две жизни, одна любовь

Мой дед советовал: «Никогда не говори, что не был счастлив, и верь, что счастье снова найдет к тебе дорогу. Этого хватит, чтобы крепко держаться за настоящее».

Однажды поздним вечером в поисках угла, где можно отогреться, я брел по едва освещенной улице небольшого города. Усталость и холод мучили сильнее чем, сомнения и страхи – их, как колючки репейника, приставшие к дорожной одежде, я мог отбросить в сторону.

Дверь ближайшей таверны со скрипом закрылась за мной, и я оказался в тепле. Денег было немного, но кувшин дешевого вина я мог себе позволить.

Согреваясь, я думал о ночлеге, о тех, кого покинул, гадал, кого встречу. Когда много ходишь, не имея дома и средств к оседлой жизни, привыкаешь много думать о том, чего нет, пытаешься мысленно постичь тайну своей никчемной жизни. Или может она в целом никчемная. И поэтому в ней мало кто знает, для чего он сгодится.

– Приятель, угостишь глотком вина, – прервал мои размышления чей-то голос.

Рядом стоял старик, на вид помесь сатира и горемыки. Бродяга, каких много. Молча я наполнил подставленную кружку и тут же подивился, как старик быстро перелил в себя угощение. Глаза его оживились, в них появился блеск.

– Хочешь, расскажу тебе одну историю, – странно улыбнулся старик.

– О чем? – поморщился я, принимая предложение за попытку навязать компанию.

– О том, как время и жизнь избавляют от участия в своих жестоких играх. Как мы становимся свободными, обретая новый мир.

– Любопытно узнать, – проговорил я, понимая, что старик не страдает чувством реальности. – И что же происходит в твоей истории?

– У меня были дочь и жена, вместе мы жили в центре города, в большом красивом доме, – начал старик, присаживаясь за стол. – Моя дочь играла на скрипке. По воскресеньям она ходила в парк и играла там для птиц. Птицы слетались и кружили вокруг неё, как влюбленные. Это было очень красиво. По роду своих занятий я редко бывал дома, мне приходилось сталкиваться с грубыми, бесчувственными и даже жестокими людьми. Я очень много проводил времени там, где не знают радости. И каждый раз, возвращаясь домой, я понимал, что никого более дорогого и близкого, кроме дочери, у меня нет. Нет. Да, вот так... Но однажды её унесли птицы...

– Птицы? – переспросил я, совершенно уверенный, что общаюсь с сумасшедшим. – Разве так бывает?

Старик глянул чистыми ясными, как божий день, глазами, и я понял, что в его жизни бывало и не такое.

– Да, да, птицы, – кивнул он. – Это произошло в тот день, когда я возвращался после долгого отсутствия. Настроение было скверное, словно крыса проела в душе дырку. Мне не терпелось увидеть дочь. Жена сказала, что она в парке. Когда я подходил к любимому месту дочки, то сначала увидел лишь кружение птиц. Они словно танцевали в такт мелодии вокруг нее. Их было невероятно много, белых танцующих птиц. Это была очень красивая картина. И в то же время тревожная, словно моя дочь попала во власть каких-то духов. Только я подумал об этом, как птицы закружили быстрее, словно захваченные безумным вихрем. И унесли мою дочь. Да, унесли. Прошло время, и я понял. Ничто не приходит к нам просто так, всё нисходит свыше, как испытание или награда.

– Н-да, незаурядная мысль, – пробормотал я, изучая дно опустевшего кувшина и потому обращаясь больше туда. – Что же это все значит? Еще Сократ сомневался в историях о превращении птиц в женщин, а женщин в птиц. Может, он добрался до вашего города. Сократа здесь не видели?

На моем пути встречались разные люди, некоторые из них были настолько странные, что я удивлялся лишь тому, как же земля еще не закрутилась в другую сторону, а луна не стала солнцем. Ведь в мире этих людей всё было наоборот, там ходили на головах и питались звездами.

– Позволь, теперь я угощу тебя вином, – предложил старик и, взяв кувшин, удалился к стойке.

Для человека, у которого дочь унесли птицы, он выглядел неплохо. Хотя скоро могло выясниться, что он и сам уже побывал в центре Земли и видел там антиподов.

– Ну и что ваша дочь, птицы её вернули? – решил спросить я, когда мы выпили по кружке вина.

– Т-с-с-с, тише, – вдруг резко наклонился ко мне старик и озорно улыбнулся. – Об этом не стоит говорить на людях. Я вижу тебе негде ночевать, идем ко мне, там и поговорим.

Идти в гости к сумасшедшему могло показаться бесперспективным и даже опасным занятием. Но предложение поступило вовремя, я нуждался в ночлеге. Да и взять с меня особо было нечего, разве только желающие могли испить крови, испорченной алкоголем. Не знаю почему, но сомневался я недолго и согласился. Наверное, из-за глаз старика, они были очень живые и человеческие.

Старик жил поблизости, сразу во дворе за кабаком. Долго мы поднимались по темной лестнице, что я даже не понял, попали мы в квартиру или под крышу в мансарду. Всю дорогу старик рассказывал, как искал в молодости место, где бы мог остаться наедине с собой, старик говорил, что много путешествовал и много видел. По его словечкам и замечаниям, проскальзывавшим в речи, в том можно было не сомневаться.

– Вот здесь я живу! – в темноте проговорил старик. – Добро пожаловать!

Мне вдруг стало немножко жутковато, уж больно само ме-

сто и всё вокруг казалось нежилым. Старик зажег свечу, и пространство заплясало в волнующих бликах. Теперь старик походил только на сатира, который договорился с судьбой и стал вечной частью этого мира.

– Ну же, рассказывай, – усаживая меня в довольно приличное кресло, нетерпеливо проговорил старик и достал откуда-то еще кувшин с вином.

– Что рассказывать? – поинтересовался я, гадая, помнит ли старик, зачем меня сюда привел.

– Всё рассказывай, по порядку. Ведь твою любимую тоже унесли птицы.

Глядя на старика, можно было подумать, что он взялся объяснить человечеству нечто недоступное, то, что неискушенный разум сразу и не воспримет. И потому старик был терпелив.

– Как бы не так, – сказал я, понимая, что огорчаю старика, – моя любимая сама упорхнула, словно птица.

– Но ты-то остался один? – пытливо рассматривал меня старик, словно моё одиночество грозило стать всеобщей заразой.

– Ну и что? – равнодушно спросил я.

– Если ты остался один, значит, твою любимую унесли птицы. Разве тебе не ясно ?

– Вполне возможно. Вроде как становится ясно.

Так я сказал, не желая спорить. Мне было не понятно, почему старик увлечен идеей птиц. Может, в детстве ему

в душу запала сказка о коварстве гусей-лебедей, крадущих детей, или нереализованные орнитологические наклонности вылились в странную патологию убеждать людей в таинственном назначении пернатых. Я был холоден к его идее. Не потому, что чудеса были не моей стихией, а скорее наоборот потому, что чудеса слишком часто обкрадывали мою реальность на свои сиюминутные нужды.

– Я знаю, – говорил старик. – Знаю, как это исправить.

Что он мог знать? Что? Одно знание поедает нас, другое знание поедает мы. Конечно, всё это суть одного знания. Но смотря с какой стороны ты подошел к нему. Либо потеряешь последнее, либо обретешь большее. Я почему-то пока не хотел касаться того, что знал старик. Я хотел спать.

– Старик, я хочу спать, – честно сказал я.

– Глупости, – улыбнулся старик, – ты так говоришь, потому что не веришь мне.

– Одно другому не мешает. Но если твое гостеприимство на этом заканчивается, я могу слушать тебя до утра.

– Извини, не хотел тебя обидеть, – наклонился старик и протянул вино. – Пойми, я просто хочу помочь. Ты нуждаешься в этом.

Что тут скажешь. Если кто-то, встретив меня в первый раз, уже знает, в чем я нуждаюсь, и как мне помочь, то можно смело расслабиться. Скоро это не закончится. И лучше не отказываться от помощи, потому что силы такого помощника неисчерпаемы.

– Что же, ты прав, – хлебнув вина, кивнул я, – мне действительно нужна помощь. Рад, что ты хочешь помочь. С чего начнем?

Старик вдруг отвернулся, и его лицо пропало в темноте. Я видел лишь плечи и космы седых волос. У меня вдруг мелькнула мысль, что сейчас он обернется, а лицо у него будет искажено бледностью и изо рта торчат клыки. Такие повороты событий обычное дело в страшных историях.

Но, обернувшись, старик выглядел как прежде. Хотя нет. Изменилось что-то едва уловимое. Что же? Я не мог понять. Ах да, его глаза. В них пропала жизнь, они стали холодными и затягивающими, словно глаза птицы Фарух, словно окна в космическое пространство, где во множестве обитают звезды и астероиды.

– Ты видимо не догадываешься, что я явился из бездны, – чужим голосом проговорил старик.

– В каком смысле? – переводя дыхание, задал я вполне резонный вопрос.

– В одном смысле. В поисках дочери я спустился в бездну. И, как видишь, выбрался. Хотя трудно сказать, что было и чего не было. Но в любом случае, теперь я не связан со временем.

– И как там, в бездне? – спросил я, чувствуя как, холод пробирается по ногам.

Старик глянул мне в глаза. У-у-у. Я зажмурился. Больше вопросов по поводу бездны у меня не было. Я тоже был в

этой бездне. Бездна – это отчаяние.

– Я долго ждал тебя, – сказал старик. – Ты последний, с кем я должен поговорить здесь. Остальные уже прошли.

«Куда?» чуть не вырвалось у меня, но после недавнего бессловесного объяснения, я промолчал. Тем более и так уже сказано было достаточно. Я никак не мог решить, что происходит. Схожу ли я тихо с ума вместе со стариком, или же... Вот это «или же» никак не укладывалось голове, от него она начинала раздуваться, как воздушный шар.

Старик опять посмотрел на меня и спросил:

– Помнишь ли ты тот день, когда начал искать меня?

– Нет, – неуверенно проговорил я.

Ибо уже ни в чем не был уверен.

– Как же ты нашел меня?

– Никак, просто устал, замерз, и потому зашел в ближайший кабаk, выпить вина. Ты сам подошел ко мне.

– А что было с тобой до того?

– Я потерял свой дом, потерял любимую женщину, и мир отвернулся от меня, – нехотя признался я.

– Как же это случилось?

– Не знаю, – сказал я, морщась, словно от боли. – Хотя нет, знаю. Однажды я решил, что могу всё. И лишился всего сразу. Теперь я, верно, могу всё, потому что у меня ничего нет.

– А что тебе нужно? – спросил старик.

– Странно, я никогда не знал, как правильно ответить на

этот вопрос, – вздохнул я, чувствуя непонятную слабость в животе. – Раньше первым всегда откликалось сердце и отвечало, что нужна любовь. Но теперь разум говорит, что любовь у меня есть. Всегда. Иначе как бы я жил. Но её здесь мало, и мне нужна другая жизнь, где любовь не уносят птицы.

Почему я вдруг вспомнил про птиц, я и сам не понял, просто так получилось. Мне стало неловко. Но старик никак не отреагировал, а слушал.

– Значит, тебе нужна другая жизнь? – спросил он.

– Выходит так.

– А что значит мало любви? Может, ты сам пока не способен постичь её полноту?

– Вряд ли, – покачал я головой, – ведь мне не хватает её, как воздуха. Она есть, но порой, я чувствую, как задыхаюсь без неё.

И для пущей убедительности я похлопал ртом, показывая, как задыхаются рыбы, выброшенные на сушу.

– Ты задыхаешься, потому что не дышишь, а хлопаешь ртом, – просто сказал старик. – И тебе тут же подавай другой мир и другую любовь.

Тут я уставился на старика. Почему-то я начинал ему верить.

– Ты должен радоваться, – произнес старик, словно советовал, есть овсянку и пить морковный сок по утрам.

– Чему?

– Всему.

И тут из меня полезло мои прежние страхи:

– Чему всему радоваться, старик? Половина людей в мире жрет и пьет всласть, и испражняется еще не переваренным дерьмом! А другая половина этим дерьмом питается! Иногда попадаетса очень даже отборное дерьмо. На вид как золото. Этому дерьму, что ли, радоваться?

Старик посмотрел на меня как на слабоумного.

– Ты о чем? – спросил он.

– А ты?

– Я о любви, а ты мне о дерьме.

Я пожал плечами.

– Что у тебя внутри, то тебе явится и снаружи. Тут уж ничего не изменишь, – спокойно проговорил старик. – А любовь приходит только туда, где живет радость. Что бы ни случилось, ты должен наполнять свое сердце радостью.

– Радостью, – повторил я, не зная, что еще сказать.

И вздрогнул от странного стука о стекло. Оказалось, в темноте каморки таилось окно. Старик осторожно открыл его, и к нам впорхнул голубь. Ничего сверхъестественного, обычный голубь, но я готов был поклясться, что это было самое разумное пернатое существо.

Глаза старика подобрели, из них исчез холод, они наполнились любовью. Я это видел. Глаза человека, полные любви, источают свет. Старик взял голубя на руки и стал с ним о чем-то разговаривать. Языка птиц я пока еще не понимал, но догадался, что речь идет обо мне.

Как только разговор закончился, голубь выпорхнул обратно в окно. После этого я проникся к старику настоящим доверием, и в глубине души поверил, что дочь его, и правда, унесли птицы. В моем сознании даже мелькнул идиотский вопрос: «А что, старик, нет ли вестей от дочери?» Но, конечно, вслух я этого не сказал.

– Вот ведь, как бывает, – сам заговорил старик, – ты живешь этой жизнью, надеясь на что-то большее, полагая, что есть еще одна жизнь, лучше чем эта. Ты ждешь момента, когда что-то изменит твою жизнь. Любая жизнь это всего лишь сосуд, который нужно суметь наполнить любовью. Дать тебе другую жизнь, ты и с ней будешь обходиться как с этой. Будешь оглядываться по сторонам, забывая заглянуть внутрь.

Он замолчал.

– Сходи-ка, купи еще вина, – немного помолчав, сказал старик и протянул кувшин и деньги.

Для него я уже был готов на что угодно. Не замечая темноты, я быстро спустился вниз, добежал до кабака. Но он был закрыт. Я постучал, мне не открывали. Вокруг было тихо, только ветерок волочил по мостовой бумажный обрывок. Да тень кошки проскользнула по стене.

Потоптавшись на месте, я пошел обратно. Однако никакого старика я не нашел, ни его komórки, ни лестницы ведущей туда.

Я продолжал поиски, пока не наступило утро.

С пустым кувшином, расстроенный, я пришел в открыв-

шийся кабак и стал пить вино, вспоминая наш разговор. Неужели так просто понять любовь? Неужели так просто оживить пересохшие колодцы души? А птицы, что они означали в словах старика, что он хотел сказать? Какой тайный смысл в том, что его дочь унесли птицы. Нет, скорее всего, птицы – это просто птицы.

Истратив на вино деньги, которые дал старик, я сначала хотел спросить о нем у хозяина, но потом передумал и вышел. Какая разница, кто был этот старик. Вряд ли кто-то здесь сможет рассказать правду о нем, также как и о нас с тобой.

Я посмотрел по сторонам, решая, куда же идти. На востоке за городом кружили птицы. А сам городе пробуждался от ночного забытья. Колесо продолжало крутиться. Люди, запрограммированные адской машиной цивилизации, продолжали свершать действия, не имеющие смысла ни для любви, ни для жизни. Вряд ли сегодня мне нашлось бы место среди них. И я пошел в ту сторону, где кружили птицы.

Она и Морской офицер

Она одиноко стояла у входа в заброшенный парк и нетерпеливо поглядывала по сторонам. В теплом темно-фиолетовом пальто волнующего фасона она выглядела невероятно мило. Пройти мимо я не смог. Я присел на спинку сломанной скамейки в парке и сквозь решетку принялся наблюдать за ней.

Туманное осеннее утро часом раньше встретило меня с порога чужого дома по соседству. Ночь я провел за бутылкой со случайными приятелями. И ушел, пока они спали. На перекрестке я долго стучался в лавку, желая купить вина на опохмел и булку. Забрав их у сонного продавца, я пошел в парк. Никем не тревожимый, незаметно пьянея, впадая в восторг, я шатался вокруг старого планетария, когда-то бывшего церковью, как вдруг заметил её и остолбенел. То ли на самом деле, то ли после принятых витаминов, но Она показалась мне неземным чудом. Стараясь быть не примеченным, я расположился неподалеку.

Не успел я, как следует, насладиться приятными наблюдениями, как появился Морской Офицер. Подтянутый и стройный он вынырнул буквально ниоткуда и замер возле барышни. О том, что офицер жив, а не превратился в каменное изваяние, свидетельствовал лишь пар, клубившийся у рта. Морской Офицер говорил, Она его слушала. Потом на-

оборот.

Глядя на них сквозь черную решетку, я невольно представил себя Морским Офицером. Вот я беру барышню за руку и нежно говорю: «Знаешь, любимая, я так скучал без тебя в плавании, так скучал. Мне все дни без тебя, как будто не хватало воздуха, я не жил, а задыхался. Я так тебя люблю. Так люблю. Ну просто о-го-го, как люблю! Ну просто свистать всех наверх, как люблю!» И я прижимаю её руку к своему поющему сердцу, Она улыбается, превращая осень в весну, а серый промокший воздух в сверкающую радугу.

Я мечтательно вздохнул, подразумевая – да, мол, любовь волшебная штука, везет же некоторым. Отхлебнув вина, я потрогал свою недельную щетину, глянул вниз на повидавшие многое туфли и печально причмокнул, сравнив себя с тем парнем в новой офицерской шинели.

Морской Офицер, стоявший у ворот парка, вдруг повернул голову и пристально посмотрел на меня. Она сделала то же самое. Довольно долго они смотрели в ту сторону, где, раскинувшись на лавке, я доедал скромный завтрак, состоявший из вина и булки. Обменявшись фразами, недостижимыми для моих ушей, они вошли в парк. Явно по мою душу. Бутылку я прибрал в сторону, стряхнул с себя крошки, а носки башмаков стыдливо сунул поглубже в желтые листья. Я успел слегка разгладить помятые складки физиономии и уложить по местам лохматые волосы.

Они подошли.

– Здравствуйте, – кивнул Морской Офицер.

– Доброе утро, – улыбнулась Она.

Я поднялся, стараясь не доставать туфли из кучи листвы.

– Доброе утро. Здравствуйте, – как можно дружелюбнее поздоровался я и тоже улыбнулся.

Улыбнулся и Морской Офицер. И так мы все трое разулыбались, что можно было подумать – встретились бывшие одноклассники, один из которых по каким-то особым причинам с раннего утра в начале недели уже пьяненький.

– Нам нужна ваша помощь, – сильным сухим, чуть севшим голосом, проговорил Морской Офицер.

В короткой фразе почувствовался такой напор, что я сразу понял – от помощи мне не отвертеться. Хотя прозвучало сказанное, как учтивая просьба.

– Вот как. А какая помощь? – спросил я, усиленно перебирая возможные варианты, стараясь угадать.

– Видите ли, – неожиданно мягко и доверительно вступила в разговор Она. – Нам нужен свидетель. Понимаете?

– Ах, вот оно что. Свидетель. Понимаю, – закивал головой я. – Вы решили вступить в законный брак, чего же тут непонятного.

Я представил себя на торжественной церемонии бракосочетания. Свадебный марш, и все дела. Определенно я годился для такой роли. Правда, выглядел сегодня не очень-то. Потрепан да еще выпил с утра. Но ведь это пустяки, если очень нужен свидетель.

– Нет, – резко оборвал плавный ход моих мыслей Морской Офицер. – Мы не собираемся бракосочетаться. Барышня немного обмолвилась, нам нужен не свидетель, а секундант. У нас будет дуэль. И нам необходим хотя бы один секундант.

– Кто?

– Секундант.

– Тю-ю-ю, – присвистнул я и сел обратно, от удивления невольно хватаясь за бутылку вина. – Ну вы даете, граждане.

Стряхнув с обуви налипшие мокрые листья, я разочарованно покачал головой.

– Нет, ну что вы, я не гожусь для такого мероприятия. Извините, я совсем не готов. Только не сегодня. И не уговаривайте меня. Мне нельзя, вот что я вам скажу. У меня, извините, сердце слабое и печень, если быть честным до конца, тоже ни к черту. И с головой у меня так себе. В общем, нет и еще раз нет.

Впутываться в сомнительное дельце с утра никак не хотелось, я отговаривался, как мог. Возникшая долгая неприятно молчаливая пауза и та не разубедила меня. Я оставался непоколебим.

– А по-моему, вы подходите нам, как никто иной, – просто и искренне сказала Она и доверительно положила руку на мое плечо.

Это было слишком. Это подействовало.

– Вы так находите? – польщенный спросил я, готовый для

неё уже на что угодно.

– Да, конечно, только вы, – подтвердила Она.

Выяснялось, Морской Офицер не был её женихом. Не знаю, кем он там приходился, но я позволил себе разглядеть её, как можно лучше. Чуда, коснувшегося моего плеча. Она была красива. Но в ней помимо красоты присутствовала что-то, заставлявшее просто млеть от счастья при взгляде на неё.

– А вы, как считаете? – обратился я к Морскому Офицеру, когда моё пристальное рассматривание стало выходить за рамки приличия. – Также, как Она?

– Да. Точно так. – коротко ответил Морской Офицер.

– Очень хорошо. Ну что ж, уговорили, я согласен. Куда идти-то?

Мы углубились в парк. Прошли по боковой аллее в поисках уединенного места и остановились на краю молодых кленовых зарослей. Поляна, окруженная сонными мокрыми деревьями, вряд ли, могла в этот ранний час привлечь внимание любопытных. Мы обошли её вокруг. Мои новые знакомые держались друг от друга поодаль. Морской Офицер шёл серьёзный и сосредоточенный. Она чему-то улыбалась, нежно дотрагиваясь на ходу до последних болтавшихся на деревьях листьев.

– Что у вас там, шпаги или пистолеты? – спросил я, чтобы хоть как-то поддержать контакт, пока мы выбирали подходящее место.

– И шпаги, и пистолеты, – не глядя в мою сторону, офи-

циальным тоном ответил Морской Офицер.

Он остановился, указывая на выбранное место, и сосредоточенно прикурил сигарету. И также сосредоточенно сразу её выкинул.

– Ну и превосходно, – сказал я, размышляя про себя, где же, черт возьми, они найдут шпаги и пистолеты, никаких футляров и чехлов я при них не наблюдал. – Попр-рошу приготовить ор-ружие!

На это требование Морской Офицер неожиданно и очень лихо выудил из карманов и за пазухи две шпаги и два пистолета. Он почтительно передал одну шпагу и пистолет своей сопернице. Она грациозно их приняла. Лицо Морского Офицера при этом исказила трогательная гримаса, и он, прикрыв веки, с притворным наслаждением втянул ноздрями воздух. С легкой насмешливой улыбкой Она наблюдала за ним, а потом перевела взгляд на меня.

– А позвольте полюбопытствовать, что является причиной вашей сегодняшней ордалии? – выпалил я мучивший вопрос.

– К черту разговоры! – отклонил просьбу Морской Офицер, хотя обращена она была не к нему. – Давайте счет!

– Что давать? – не понял я.

– Счет! Давайте счет! – весело крикнула Она, рассекая сырой воздух острием шпаги. – Ну, там, раз, два, три.

Я растерянно пожал плечами. Честно говоря, мне не верилось, что сейчас начнется дуэль. Миниатюрные шпаги и

пистолеты, из которых стрелял еще Мартынов, выглядели неубедительно. Казалось, стоит сосчитать до трех, и они всё побросают и весело захохочут над тем, как надули меня. Да и я, пожалуй, посмеюсь.

Видя их требовательные взгляды, я откашлялся и начал.

– Ну, если такая спешка... Раз! Два! Три! Поехали!

Грохот выстрелов и звон стали разорвал тишину и повис в воздухе. Проворно отскочив в сторону, я спрятался за ствол большого дерева – сегодня в мои планы не входило быть продырявленным шпагой или пулей. А оба дуэлянта, будучи уже ранеными, не подавали и вида, что это их как-то беспокоит. Напротив, судя по лицам, им было очень весело. Словно сильно расшалившиеся дети, они визжали от удовольствия, сбрасывая с себя шарфы и перчатки, шинель и пальто.

Затаив дыхание, я восхищенно наблюдал за невозможным, не забывая посматривать – нет ли рядом посторонних. Удивляться чему-либо было уже поздно и не к месту. Я осторожно достал из кармана плаща недопитую бутылку и принял на грудь.

На меня не обращали никакого внимания. Дуэлянты, по меньшей мере, раз десять должны были прикончить друг друга. А они продолжали неутомно бегать, стрелять в упор и по рукоятку вонзать шпаги.

– Э-э-эй... – негромко позвал я из своего укрытия.

Ничего. Ноль внимания.

– Эй! – громче позвал я. – Вы как там, долго еще?

Мое присутствие явно игнорировалось. Я постоял, покурил, разглядывая довольные рожи дуэлянтов.

– Эй вы, клоуны! – стал нервничать я. – Кончайте этот цирк!

Никакой реакции. Я еще раз громко крикнул:

– Кончайте цирк!!!

Откликнувшись на это предложение, издав по последнему выстрелу, два тела упали пораженные одновременно. Нет, что там, со стонами рухнули на грязные затоптанные листья и замерли.

«Неужели убились, – тревожно подумал я. – Вряд ли. Опять придурятся. Хотя похоже на самом деле. Видишь, как неудобно лежа. А дырок сколько в них. И кровь. Фу, кровь. А может, это клюквенный сок? Сок. Ага, как же, у самого вместо мозгов клюква. Гроздьями. Опять начинаешь, да? Кто начинает, никто не начинает. А чего его опять дурочка включил? Сам подойди да осмотри, если такой умный».

У меня и в мыслях не было приближаться к ним, не люблю трупы, меня тошнит с них. Да и такой неожиданный финал расстроил меня. Они так многообещающе сражались. Должно было закончиться чем-то другим. И на тебе. Два трупа. Честно говоря, неожиданный финал. От такого рассудком можно повредиться.

Постояв еще немного, я решил поскорей покинуть парк. Опечаленный несправедливостью и жестокостью нашего мира, где хорошим людям приходится наносить друг другу в

душу и тело смертельные раны, исход которых самый плачевный. Всё во мне булькало от напряжения и негодования, меня прямо-таки подмывало тоже вызвать кого-нибудь на дуэль. Ноги быстро несли меня к выходу.

Я забеспокоился, когда мои близорукие глаза различили впереди у входа в парк знакомую фигуру. Через десяток шагов я остановился и подумал, что рехнулся на почве сегодняшней дуэли.

За оградой парка в своем темно-фиолетовом пальто стояла Она и нетерпеливо вертела головой. Я устало опустился на ту же скамейку и перевел дух. Рука потянулась к сердцу. Что? Что это?! Никто не поверит. Та же бутылка вина и теплая булка покоились во внутренних карманах плаща.

Я перевел дух. Оставалось только начать второй завтрак. Ланч значит Чувствуя от волнения первородный голод, я так и сделал.

Когда же появился Морской Офицер, я чуть не подавился и готов был бежать искать ту полянку, где он лежит, раскинув ноги, в дырявом кителе в пяти шагах от своей новой шинели.

Я стал нетерпеливо ждать, когда они наговорятся, посмотрят на меня и войдут в парк. В том, что они войдут, я не сомневался. И они вошли и направились ко мне. От волнения я сначала решил прикинуться глухим и слабоумным, но передумал.

– Доброе утро. Здравствуйте, – поднялся я, здороваясь

первым. – Чем могу служить?

Она скептически оглядела мой потрепанный нетрезвый вид.

– Не смущайтесь, предлагайте всё, что угодно, – бодро проговорил я. – Заранее на всё согласен.

Морской Офицер, сосредоточившись на моих глазах, заговорил своим знакомым севшим голосом:

– Вы знаете, нам нужен свидетель. Мы...

– Шпаги и пистолеты! – перебивая, не выдержал я.

– Что?! – удивился Морской Офицер.

– Понятное дело, что, – усмехнулся я, подмигивая им. – Дуэль!

Она взяла Морского Офицера под руку и зашептала ему прямо в ухо:

– Разве ты не видишь, дорогой, этот тип совершенно пьян. Может, не надо его в свидетели.

– Как скажешь, дорогая, но больше никого нет, – сказал Морской Офицер.

– Позвольте-позвольте, – заволновался я, вступая в разговор, – я еще не совершенно пьян. На всё сгожусь. Только вы мне сразу скажите, из-за чего деретесь. Какая у вас причина?

– О господи, он еще и сумасшедший! – воскликнула Она. – Какая дуэль?! Кто дерется на дуэли?! Мы спешим во дворец бракосочетаний, нам нужен свидетель, а люди вокруг, как вымерли. Вот только вы остались.

В растерянности я сел на скамейку.

– Значит, дуэли не будет? – расстроено спросил я.

– Если только между нами, – сердито буркнул Морской
Офицер, с вызовом глядя на меня.

– Так, извините, граждане. Всё понял, – поднялся я. – беру свои слова обратно. А на счет свидетеля, вы не передумали?

– А вы сможете? – засомневалась Она.

Я изобразил такое изумление, мол, почему же это я порядочный, интеллигентный человек не осилю такого пустяка. Пусть я немного нетрезв, пусть бурный поток судьбы несколько пыльно отразился на моем костюме и физиономии. Всё это мелочи, не стоит обращать на них никакого внимания.

По дороге я им всё рассказал, то есть наврал, что являюсь талантливым режиссером местного института культуры, в парке ждал своих студентов-третьекурсников с готовыми театральными этюдами на тему «Дуэль и похмелье», чем объяснил свое странное поведение и состояние. Они поверили. Я болтал без умолку, стараясь расположить к себе молодоженов. Вскоре они смеялись и радовались жизни не меньше моего.

Брак мы успешно зарегистрировали, это дело прошло у нас гладко. И пошли празднично обедать в ресторан. Молодожены были счастливы. Я тем более, и напился так основательно, что к концу обеда нес откровенную чушь. Впрочем,

меня мало слушали и не налегали, как я, на водку и салаты.

Когда я охрип от тостов, молодожены засобирались. Морской Офицер утром отправлялся в плавание. А я решил остаться допивать и доедать весь почти нетронутый роскошный обед. И к стыду своему всё доел и допил. Б-р-р.

Осенью темнеет рано. Уже смеркалось, когда, покачиваясь, сытый и довольный я вышел на улицу, как на верхнюю палубу корабля. Штормило. И какие-то черти понесли меня опять к парку.

Там у входа в мутном свете фонаря маячила фигура, явно кого-то поджидая. И мне взбрело в голову, что там стояла именно Она. Вдоль ограды незамеченный я осторожно подкрался совсем близко. Мне даже показалось, я вижу пальто волнующего фасона.

– Женимся или стреляемся?! – выпрыгнул я из-за колонны к фигуре.

Стоявший у входа в парк ночной блюститель порядка чуть не пережил разрыв сердца. Но он был молод и сообразителен. Увидев перед собой чуть живого пьяницу, он инстинктивно пришел в себя и попытался схватить меня. На помощь к нему спешили еще двое.

Путь к отступлению был один. Парк. Очумелый я бежал наугад, слушая топот и ругань за спиной. Не знаю, как долго мы играли в догонялки, но я споткнулся обо что-то мягкое и упал. Сил подняться не было, я спокойно лежал, ожидая неприятной встречи. Я был настолько пьян, что ничего не

дождался и уснул прямо на листьях, где и лежал.

Когда с рассветом в тумане я очнулся и открыл глаза, то так и остался лежать в неудобной позе. Тело моё валялось на той самой полянке, где сутки назад стрелялись Она и Морской Офицер. Они, кстати, лежали здесь же. Видимо об их раскинутые ноги я и споткнулся.

Вскоре такой поворот событий перестал меня смущать, ибо состояние организма было еще более критическое, чем обстановка в мире. Судя по внутреннему скрипу и скрежету, водки я вчера выпил на пять-шесть смертельных доз. Постановая, я кое-как поднялся и еле заставил себя взглянуть на лица дуэлянтов. И снова изумился. Их лица выглядели так, будто они только полчаса назад прилегли и прикрыли глаза, дабы не смущать меня. Это так развеселило меня, что я подобрал сигарету, выброшенную вчера Морским Офицером, подсушил её и закурил.

– Итак, родные мои, мы опять вместе, – сообщил я, выдыхая дым. – Мы что теперь неразлучны? И кому он нужен этот день сурка?

Никотин добавил отравы в организм, и тот, мучимый похмельем, возжелал крепкой выпивки. Как ему помочь? Вот задача.

И тут меня осенила гениальная мысль.

Быстро, насколько возможно в моем трудном положении, я заспешил к поднадоевшему месту встречи. И что вы думаете? Верно, место встречи изменить нельзя.

У входа в парк стояла Она и, как всегда, нетерпеливо крутила башкой. А в моих внутренних карманах, как я и надеялся, появилось вино и хлеб. На знакомой лавке, разрываясь от восторга, я с жадностью набросился на привычное меню. И когда к Ней подошел Морской Офицер, я уже глядел в дно бутылки и катастрофически быстро пьянел.

Они долго о чем-то разговаривали, иногда оборачиваясь на мои радостные вопли.

– Хей! Привет! Идите скорей сюда! Ну же! – кричал я, надрывая глотку, и приветственно махал руками. – Ждем-с!

Видимо, они не разделяли мой восторг и не спешили в парк.

– Что у нас на сегодня! Какие планы?! – продолжал кричать я. – Куда сначала пойдём?! Стреляться или жениться?! Давай попробуем то и то! В любой последовательности!

Что и говорить, вид у меня был более чем отпугивающий и годился разве что для кошмарных снов. Впрочем, я, конечно, был иного мнения и считал себя в тот момент самым обаянием. И очень удивился, когда Она и Морской Офицер пошли прочь. Вскочив, я попытался броситься вдогонку, но ноги предательски подогнулись и увлекли вниз.

– Родные мои, куда вы? Стойте. Это нечестно. Как же я без вас-то? – тщетно пытаюсь подняться, бормотал я. – Постойте, почему вы уходите без меня? Неужели бросаете? За что? Я же привык к вам. Простите меня.

Они не слышали моих причитаний и ушли.

Упустив возможность быть опять вовлеченным в игру, начатую вчера, я раскис окончательно. И даже прослезился, решив, что безвозвратно потерял что-то важное, такое, от чего мир весело встает на уши и делается намного милее, чем это возможно. А терять редкую возможность менять мир, согласитесь, не самое приятное занятие.

И все из-за чего? Из-за лишнего глотка вина. Не обидно ли? Очень обидно. Какие сделаем выводы? Никаких. Пить надо меньше? Не уверен... Пить надо правильно.

Дня через три я утихомирился, проспался, вывел из организма солидную часть токсинов, сознание несколько подобрело ко мне и позволило расслабиться и не переживать по поводу случая в парке. Никаких пошлых намеков на белую горячку. Боже упаси. Проще было осознать, что Она и Морской офицер никуда не делись, стоит захотеть, и мы встретимся вновь...

Юля едет в Париж

Третий год подряд в конце декабря у Юли случались неприятные дни, когда одолевали тоскливые мысли, беспардонно сотрясавшие ее маленький уютный мир.

«Почему моя жизнь такая не примечательная? – мучилась вопросом Юля. – Мне тридцать с хвостиком, до старости еще далеко. Трудоголик, верчусь, как белка в колесе, постоянно что-то делаю, а ничего особо не меняется, будто воду в ступе толку. И впрямь, если поглядеть, живу одна, как Баба-яга, еще и с черным котом, брр».

Так думать накануне любимого праздника было невыносимо. Юля стойко старалась мыслить позитивно и не нарушать простые правила: жить рационально, не медлить в решениях и верить в чудо только раз в году. Но именно под Новый год мысли в голове бунтовали, закипая, как в чайнике со свистком, бурно выплескиваясь наружу.

Хотя другие бы позавидовали Юле. Небольшая перспективная компания, где она была ценным специалистом, собственная квартира, дорогие вещи.

«Но я ведь не другие, – хмурилась Юля, – и вообще кто эти другие?»

Через улицу, в доме напротив, за окнами на втором этаже с похожими горчичного цвета шторами, жила женщина. В её окнах по ночам отражалась неоновая надпись кафе «Из-

бушка» под квартирой Юли. Симпатичная немолодая женщина внешне очень напоминала Юлю. Рано утром и поздно вечером Юля могла наблюдать за соседкой, за её привычками, схожими с Юлиными. Они имели одинаковых черных котов, утром в одно и то же время, в половину седьмого, кормили любимцев завтраком. Около девяти выходили из дома. Обе были наполовину одиноки. К женщине по воскресениям приходил седоволосый мужчина в неизменном костюме, похожий на провинциального врача-дантиста на пенсии. К Юле приходил, а чаще просто звонил Алик, её бывший однокурсник, он уже лет пять делал вид, что ухаживает. Впрочем, Юля сама не воспринимала Алика, как жениха, он слишком много пил, меньше её зарабатывал, как попало тратил деньги, и для семейной жизни не годился.

В то утро в конце декабря, насыпая коту корм, Юля почувствовала в голове первые симптомы хаоса. Голова отказывалась мыслить только позитивно, мысли стучались о стенки черепной коробки и вопили о никчемной Юлькиной жизни, некоторые даже заявляли, что Юлька дура. В задумчивости Юля высыпала коту на голову сухого корма из пакета. Барсик обиженно облизался, но, увидев, что хозяйка его не замечает, решил всё же позавтракать.

Юля стояла у окна, наблюдая, как соседка тоже что-то кладет на блюдце коту и треплет его за ухом. Потом женщина выпрямилась, схватилась за сердце и упала. Это произошло так неожиданно, что Юля сначала не поверила глазам,

замерла и долго не шевелилась. Только, когда пришла мысль, что соседка умирает, Юля накинула пальто и побежала к дому через дорогу.

Она наугад нажала номер квартиры на домофоне, ей открыли, она вбежала по лестнице, дверь в нужную квартиру оказалась приотворенной. Юля её толкнула. В прихожей тускло горел свет, и сначала она даже не разобрала, что прямо перед ней на стуле сидит мужчина. Он не был похож на того седовласого врача. Этот выглядел моложе, имел курчавые русые волосы, а седину только в щетине на подбородке и скулах, сидел, закинув ногу на ногу, и улыбался.

– Что здесь происходит?! – вскрикнула Юля, чуть не врезавшись в человека.

– Ничего не происходит, – не меняя позы, спокойно произнес мужчина.

– Что с ней? – переводя дыхание, спросила Юля.

– С кем?

– С женщиной, я живу напротив, через улицу. Я видела в окно, как она упала. Сердечный приступ?

– Похоже на то.

– Что с ней?

– Ничего. Всё в порядке.

– Как в порядке? Она жива?

Человек опустил ногу, откинулся на спинку и внимательно посмотрел на Юлю.

Она жива, не беспокойся, – сказал он и замолчал. Потер

переносицу, будто не зная, как продолжить. – Понимаешь, ведь это была ты.

– Что?!

– Трудно поверить, но придется. Женщина в окне была возможным отражением тебя в будущем. Такой ты могла стать лет через тридцать. Вижу, ты не веришь. Но это правда, ты наблюдала за собой. Такие вот дела, Юлька.

Юля попятилась.

– А чего побежала-то сюда? – спросил человек. – Не могла, что ли, скорую вызвать?

– Вы кто? Врач?

– Ну какой же я врач. Скорее, наоборот, хотя... – человек усмехнулся, – в чем-то я врач.

– Вы знали эту женщину? – отступая к двери, спросила Юля.

– Юль, ты глухая? Я же только объяснил тебе, что та женщина – это как бы ты и была, много лет спустя, – проговорил человек и вздохнул. – Хотя разве это много. Возможно, ты такой бы и стала. Если бы не прибежала сюда. А теперь я даже и не знаю, что с тобой делать.

– А вы кто?

– Да какая разница... Называй меня, как хочешь.

– Вы киллер, – испуганно проговорила Юля.

– Вот глупая. Ладно, спишем это на твою голову, она у тебя в эту пору бывает сама по себе.

– Черный риэлтор! – воскликнула Юля.

– Да чтоб тебя...

– Знаю... вы... дьявол, – с ужасом прошептала Юля.

– Еще лучше, – засмеялся тот, кого Юля приняла за дьявола.

Смех у него был добродушный. Если дьявол так смеялся, то дела у него, да и у всего мира, пошли на поправку.

– Послушай, Юлька, – начал он.

– Откуда вы знаете моё имя?! Кто же вы?

– Ну ты даешь. Ладно, зови меня Гаспар.

– Гаспар из тьмы, – опять прошептала Юля.

– Тьфу ты, елки. Далась тебе эта тьма. Ладно, сегодня для тебя я Пьер Ноэль.

– Вы француз?

– С удовольствием, – кивнул мужчина.

Тут Юля обратила внимание, что на нем темно-малиновые штаны, вязаная жилетка со стеганой рубашкой и кожаные ручной работы сапоги.

– Пьер, – недоверчиво повторила Юля, решив, что перед ней маньяк. – Зачем я вам?

– Да не нужна ты мне.

– Ну вы же заманили меня сюда.

– Во-первых, тебя сюда никто не заманивал. Ты попала сюда, потому что у тебя доброе и отзывчивое сердце. Всегда есть выбор, как поступить, думая головой или чувствуя сердцем. Ты сама не знаешь, как поступишь. А во-вторых, в день, когда можно изменить судьбу, хорошо бы быть и по-

сообразительнее.

– Значит, вы не дьявол, – проговорила Юля, не зная, что и подумать, кто перед ней.

– Нет. Скорее, я ангел-хранитель.

– Мой?

– Милая, теперь на всех не хватает, можешь считать меня кем-то вроде участкового ангела в вашем районе. Вас много, а я один. Вот пришла пора заняться тобой.

– Что вы будете делать со мной? – спросила Юля таким тоном, что любой шутник ответил бы: «насиловать и расчленять».

Но мужчина лишь пожал плечами и сказал:

– Это зависит от тебя.

– Что я должна сделать? – собираясь с мыслями, спросила Юля.

– Ничего особенного ты делать не должна, просто ответь на два вопроса.

Мужчина поднялся со стула и прошел на кухню.

– Вот, кстати, – проговорил он оттуда, – можешь убедить-ся, я тебя не обманывал.

Юля с трудом отклеилась от входной двери и заглянула на кухню. Никакой мертвой женщины на полу не было.

– Ты в окно посмотри, – предложил мужчина.

Юля через силу глянула в окно и увидела себя. Вот она проснулась, включила на кухне свет, в задумчивости высыпала на голову кота сухой корм, подошла к окну, замерла,

увидев что-то неприятное, и бросилась вон из квартиры.

– И вот ты здесь, – сказал мужчина. – И тебе нужно ответить, хочешь ли ты жить прежней жизнью. Если да, то ты вернешься обратно к себе домой и ничего не вспомнишь, ни нашей встречи, ни женщины.

– Так значит вы Пьер? Или все-таки Гаспар?

– Называй, как хочешь.

– Пьер... А если я не хочу прежней жизни?

– Без если, либо да, либо нет.

Юля вспомнила про кота.

– А Барсик?

– Причем здесь кот, – удивился то ли Пьер, то ли Гаспар.

– Сейчас толкуем о том, что будет с тобой. А там ты уж сама решай, что делать с котом. Я же тебя не забираю на другую планету.

– Хочу жить по-другому, – с уверенностью проговорила Юля.

– Отлично. Твоя главная мечта?

– Увидеть Париж, Пьер.

– Нормально. Всё, можешь идти.

– А как же я буду жить по-другому.

– Иди домой, – настойчиво повторил мужчина. – Об остальном уже позаботились.

И он выпроводил Юлю за дверь.

Юля вернулась в свою квартиру и села за стол, Барсик прыгнул на колени и замурлыкал. Так они просидели почти

весь день. Что творилось в квартире напротив, видно не было. На работу Юля не пошла, а когда оттуда позвонили, она сказала, что у нее заболела любимая тетя и за ней нужен уход. Разглядывая в окно людей, Юля чувствовала, что давно это занятие не казалось ей столь занимательным. Люди несли елки, праздничные пакеты и коробки. Вели за руки смешно шагавших детей. Раньше Юле казалось, что люди в большинстве своем двигались, как во сне, плохо понимая, зачем они здесь. Теперь ей казалось, что все это хорошо продуманное и спланированное действие кем-то мудрым и добрым.

Ближе к вечеру позвонил Алик.

– Привет, Юльк, я зайду? – сразу спросил он. – Начнем провожать старый год, а завтра вместе встретим новый.

Судя по голосу, он уже выпил.

– Кто это? – спросила Юля.

– Это я, Алик. Не узнала, богатым буду, – засмеялась трубка.

– У меня нет знакомых с таким именем, – сказала Юля и положила трубку.

– Юльк, ты чего?! – успела испуганно крикнуть трубка.

Стало темнеть, в окнах загорался свет. Люди приходили с работы, потрошили холодильники, ужинали, мыли посуду, включали компьютеры, телевизоры, гирлянды, наряжали к Новому году дома, укладывали спать малышей. Юля продолжала следить за окном соседки, там было темно.

Юля уже задремала на подоконнике, как в квартире на-

против вспыхнул свет. От неожиданности Юля свалилась на пол. А когда поднялась, то увидела молодого мужчину. Он, как и она, стоял у окна. Увидев Юлю, он заулыбался и приветственно помахал рукой.

Через силу кивнув, Юля смотрела на него, как на призрак. Мужчина что-то продолжал показывать знаками. Наконец Юля поняла, что он желает познакомиться и уговаривает её взять трубку телефона и набрать цифру 8. Когда она сделала это, он показал остальные цифры.

– Добрый вечер, – услышала Юля в трубке мягкий голос и чуть не уронила телефон на пол.

– Вы меня извините за мою навязчивость, – волнуясь, продолжал голос, а его обладатель маячил в окне напротив, – но у меня сегодня странный... удивительный день... Кажется, я теряю связь с реальностью. Сегодняшние события... В общем, мне нужно поделиться с кем-то. То есть не с кем-то, а ими именно с вами. Как же вам это объяснить... Но, если вы не против, я бы мог подняться к вам, мне было бы так проще.

– Да, – смогла лишь сказать Юля.

Понятное дело в любой другой день она бы не позволила событиям развиваться столь стремительно, не особо доверяя мужским словам. Однако сегодня... От звонка в дверь Юля вздрогнула, словно электричество замкнулось на ней, и все-таки уронила телефон. Дрожащими руками она повернула ручку замка.

– Добрый вечер, я – Саша, – волнуясь, представился молодой человек. – Извините, еще раз извините за столь навязчивое знакомство. Но вот так получилось. Я и сам...

– Проходите, – еле держась на ногах, проговорила Юля. – Меня зовут Юля. Я присяду, что-то мне не по себе.

– Да, да, это очень хорошо, то есть очень приятно, что мы познакомились, – снимая куртку, говорил Саша. – Сидите, сидите, я сейчас вам принесу воды? Что с вами? Вы не представляете, Юля, что со мной сегодня произошло. Вы должны это знать. Вам лучше?

– Да, рассказывайте.

– Сегодня утром мне позвонил приятель. Случилось это в тот самый момент, когда мое затруднительное положение требовало немедленного решения. Какое затруднительное положение это уже неважно.

Мужчина беспечно махнул рукой и засмеялся. Но смех его сейчас же оборвался, он заметил – собеседница выглядела настолько странно, что была похожа скорее на мумию, чем на живого человека.

– Что с вами, Юлия? Вам, правда, лучше? Попейте еще воды, – разволновался Саша, забыв про рассказ. – У вас тоже что-то стряслось?

– Откуда у вас ключи от той квартиры напротив?

– Ах, да! Ну и вот! – опять оживился Саша. – Это важная часть моей истории! Сегодня утром меня выселяли в буквальном смысле, у меня не было ни одного знакомого, кото-

рый мог бы хоть как-то помочь. И тут этот звонок. Старый приятель нашел меня удивительным образом и просил посмотреть за квартирой, пока он будет работать за границей, он сказал, что даже приплатит за то, чтобы я кормил рыбок и поливал цветы.

– Так это квартира вашего друга?

– Нет! Он живет поблизости! Не успел я переехать к нему, вещей то у меня немного, старый ноутбук да кое-какие книги, я пишу одну вещь...

После этих слов мужчина немного замялся и пристально поглядел на Юлю.

– И не успел я к нему переехать, – повторил он, – как реальность исказилась. Я будто попал в зазеркалье. Реальность где-то там, а я уже здесь... Господи, я говорю так непонятно! Или понятно?

Юля кивнула Саше, это его ободрило.

– Вы представляете! – громко сказал он и чему-то засмеялся. – Сначала я увидел человека, который копается в моем ноутбуке. Я уже успел выставить его на письменный стол, а сам пошел в ванную выкладывать зубную щетку. Присутствие незнакомца настолько меня удивил, ведь кроме меня в доме никого не могло быть. Приятель, отдав ключи, сразу уехал по делам. Что я просто стоял и смотрел на этого человека, совершенно не зная, как поступить. Пока он сам не заговорил со мной: «Не видать тебе удачи, пока не выкинешь эту рухлядь». «Это вы о моем ноутбуке?» – спросил

я. «А о чем же еще?» – ответил он. Вид незнакомца почему-то внушал доверие и расположение, хотя на нем были такие странные малиновые штаны и вязаная жилетка. «И что же делать теперь?» – спросил я после недолгого молчания. «Для начала включи радио», – предложил он. Я послушно нажал на кнопку радиоприемника. «... вот это и есть наш вопрос! – прокричал ди-джей, – Правильный ответ на который и даст победителю право на приз! Вы можете уже звонить нам! Всем удачи!» «На, держи трубку, – сказал человек, – когда спросят правильный ответ, скажешь Гираут де Борнель». «Гираут де Борнель», – сказал я трубке. «Как вас зовут?» – спросили оттуда. «Саша», – сказал я. «Саша, сейчас скажете свое имя и правильный ответ в эфир, – радостно прокричали мне, – только сначала отойдите от вашего радиоприемника. И не кладите трубку, пока не оставите ваши координаты! С Наступающим!» Я сделал все, как попросили. «А теперь бери свою рухлядь, – сказал человек, – и неси её на свалку. Нечего ей делать с тобой в новом году. В 20.32 ты поставишь её в стороне от мусорных баков и пойдешь обратно домой, в 20.43 ты увидишь молодую женщину, обратишь на себя её внимание и расскажешь ей все, что с тобой произошло сегодня. Понял? Всё, вперед. Пора». Он выставил меня за дверь, в руках у меня был ноутбук. Метров десять я не дошел до мусорных баков, оставил его и пошел обратно. Я шел медленно, но кровь пульсировала во мне так, что я задыхался. От волнения даже закружилась голова. Я

понял, что попал в чужой подъезд, когда оказался в его полумраке на одном из этажей. На часах было двадцать сорок два, я толкнул дверь перед собой. Она открылась, я вошел и сразу нащупал выключатель, включил свет в коридоре, затем на кухне, выглянул в окно и увидел вас. Вот. Даже и не знаю, что сказать еще. Потому что не знаю, поверили ли вы мне или нет.

– Что за приз вы выиграли? – дрожащим голосом спросила Юля.

– Ах, да! Это два билета в Париж! И я сразу понял, когда увидел вас, что второй билет предназначался вам. Ведь верно?

– Да, – безмолвно, лишь разомкнув губы, ответила Юля.

Перед её глазами уже летели на конях меровинги, их длинные волосы превращались в узкие улочки старой Лютеции. По ним бродили кардинал ла Балю и Винсен де Поль, превращаясь лицами в Сержа Гензбура и Ален Делона. Откуда-то издалека доносились звуки уличных песен, веселый смех и звонкие голоса:

– Монжуа, друзья, монжуа!

Прекрасный город уже звал Юлю туда, куда и нам, возможно, лежит дорога. Пусть не завтра, но, чтобы пополнить ряды счастливицков, *il nous reste encore du temps* (у нас еще остается время (франц.))

Удивительная Юля Воробьева

Подруги были не просто удивлены, а потрясены, когда узнали, что Юля бросила институт и решила стать крановщицей.

– Юлька, ты дура, что ли?! – восклицали они. – Женское ли это дело?! Ты же потом сто раз пожалеешь!

– Я всё решила. Буду парить над миром, – отшучивалась Юля.

– Не парить ты будешь, а громадным куском железа управлять, – твердили подруги, – который, если рухнет, то тебе, вряд ли, удастся поменять место работы. Какая муха тебя укусила?

Честно говоря, Юля и сама не понимала, что руководило её выбором профессии. Просто однажды она проснулась и поняла, что поступать нужно именно так. И от этого решения невозможно отвертеться, как от пробуждения.

Прежняя жизнь отступила очень быстро. К тридцати семи годам Юля знала точно, что ни разу не пожалела, сделав свой выбор. Её мало трогали поиски истины и смысла жизни. Однако на роковом для некоторых гениев возрастном рубеже она вдруг стала размышлять о чем-то таком смутном, гадая можно ли постичь тайну того, что, кому и как открывается в этом мире. Ей стало казаться, что и в её судьбе многое предопределено и то, как она сейчас проводит время, двигаясь

над землей, всего лишь знак её будущей такой же возвышенной жизни.

Перед летним отпуском в конце рабочего дня Юля Воробьева опять задумалась о своем предназначении. Смутное желание, не дававшее покоя последнее время, становилось явным – чувствовать себя каждое мгновение, как необходимую часть лучшей жизни.

Последнее, что Юля увидела в прежней жизни – как стрела крана задевает высоковольтный провод. Юля даже заметила, как ток пробежал к ней в виде золотисто-синеватой волны. Потом было необычное сотрясение пространств, похожее на бульк огромного пузыря.

«Вот так стукнуло», – успела подумать Юля.

Два дня она пролежала в морге. Все думали, что она мертва и готовили тело к вскрытию. Но внутри Юли теплилась жизнь, она и не собиралась умирать. От прикосновения холодного металла, готового резать её плоть, Юля очнулась. Это было ужасное пробуждение. И не только для Юли. Тому, кто оставил на её теле шрам в несколько сантиметров, это пробуждение тоже запомнилось на всю жизнь.

– А-а-а-а! – закричал человек, роняя скальпель.

– А-а-а-а! – закричала Юля Воробьева, ловко кусая руку, прежде державшую острый инструмент.

После этого ужасного происшествия Юля долго не могла уснуть. Полгода она не смыкала глаз. Теперь уже жизнь походила на бессмысленный сон, Юля не чувствовала к ней ни

малейшей привязанности и не верила тем, кто говорил, что жизнь напоминает сон, когда в ней грядут большие перемены.

Однажды переодеваясь перед зеркалом, Юля заглянула в глубь своих зрачков и уснула прямо там, где стояла. Утром она открыла глаза и поняла, что отдохнула, как никогда еще не отдыхала.

Первое, что пришло ей в голову – сходить за хлебом. Странно, но в жизни так часто бывает, отправляешься за хлебом, а по дороге в булочную твоя судьба делает самый главный поворот.

На улице Юля впервые за долгое время вдохнула полной грудью. Она вышла со двора и направилась в булочную мимо автобусной остановки, где стояла женщина. Глянув на неё, Юля чуть не упала в обморок. Внутренности женщины были как на экране. Селезенка сильно увеличена, в почках камни, всё остальное тоже можно скоро спускать в мусоропровод. Это подтверждалось болезненным выражением лица женщины. Увидев, какую реакцию вызвала у Юли, женщина поморщилась и отвернулась, зло пробормотав:

– Вот вылупилась дура.

Не понимая, что происходит, Юля шла по улице в легкой прострации. У неё кружилась голова, и дрожали коленки. Навстречу двигался прохожий. Юля боялась даже мельком взглянуть на него, но не выдержала и посмотрела. Во внутренних мужнины, в области желудка болталась крас-

ная жидкость.

– Красная! – словно наступив на змею, громко воскликнула Юля.

– Что? – не понял мужчина.

– У вас в животе красная жидкость, – смущенно проговорила Юля.

– Это кисель! – чему-то обрадовался мужчина. – А как вы узнали?

Но Юля уже бежала прочь. Мир вернулся к ней, вернулась причастность, но таким невероятным образом, что сознание отказывалось это понимать. Для Юли это был кошмар.

– Юля! Воробьева! – услышала она за спиной.

Бывший однокурсник Володя искренне обрадовался встрече и никак не понимал, почему Юля отводит взгляд, стараясь смотреть в сторону.

– Что с тобой, Юлька? – наконец спросил он. – Ты чего, не рада?

– У тебя расширена печени, – выдавила Юля.

– К чему это ты? – не понял Володя.

– Вижу тебя насквозь, – прошептала Юля. – С утра ты выпил литр кефира.

Володя так и замер. Потом достал папироску, с серьезным видом прикурил, словно в ней заключалось решение вопроса, и спросил:

– И давно это с тобой?

– С сегодняшнего утра. Сначала я увидела на остановке

пожилую женщину и её внутренности как на ладони. А потом был мужчина с киселем внутри.

– Н-да, вот так фокусы, – озадаченно усмехнулся Володя, что-то прикидывая. – Так, идем со мной.

Он взял Юлю за руку.

– Куда?

– Ну не в магазин же за хлебом. Или ты предпочитаешь слоняться по городу и разглядывать внутренности прохожих?

– Нет, – не уверенно произнесла Юля.

– У меня есть один знакомый профессор в этой области, – объяснял Володя. – Он нам и посоветует, что с тобой делать, лечить тебя или ты сама, кого хочешь, вылечишь. Ну что, идем?

– Идём.

Профессор встретил их благостной улыбкой, словно был уже в курсе событий. И выслушав Володю, улыбаться не перестал.

– Так, – сказал он, внимательно разглядывая Юлю. – Так-так.

Она не выдержала и на одном дыхании выпалила обо всем, что творилось в чреве профессора. Тот лишь слегка поморщил нос и сказал:

– Ваш случай не такой уж и редкий. Он давно исследуется и используется. Люди с такими способностями практикуют в частных клиниках за рубежом. Насколько я знаю, и у нас

есть два или три таких феномена. А других способностей за собой не замечали?

– Каких?

– Например, проецирование мыслеобразов на фотопленку. Я бы мог вас пристроить на хорошую должность в институт мыслеграфии. А так можете рассчитывать на элитную клинику или диагностический центр.

– А что со мной? От чего меня будут лечить? – опять испугалась Юля.

– Нет, что вы, – успокаивая, снисходительно улыбнулся профессор, – ваш дар пойдет на пользу людям, которых очень берегут, и мы в свою очередь будем вас беречь и развивать ваш дар. Понимаете?

Юля не убедительно кивнула.

– А сквозь стены не видите? – вдруг с надеждой спросил профессор.

– Нет.

– Жаль. А то есть у нас один мальчик, он спецслужбам помогает. Хороший такой мальчик. Наблюдает за преступниками сквозь стены. Вот это не частый дар, но бывает. Бывает и еще интереснее случаи, но я вам всего рассказывать не буду, хе-хе.

– А нельзя ли, профессор, – заговорил Володя, до этого момента уважительно молчавший, – узнать какой-нибудь быстрый и эффективный способ, чтобы Юля на время перестала видеть все эти внутренности вокруг?

– Темные очки. Самый простой и верный способ. Была у нас одна непоседливая девочка, которая в период полового созревания своим взглядом чуть половину своего села не сожгла. Так она и спала в темных очках, пока у неё это не прошло.

– А это проходит? – с надеждой спросила Юля.

– Если только это возрастное, у подростков, например. В вашем случае, это скорее, навсегда. Вы одна живете?

– Одна.

Юля вздохнула.

– Вопросы еще есть?

– Пока нет.

– Раз вам все ясно, приходите завтра в наш институт, по этому адресу, – профессор протянул визитку. – И мы продолжим сотрудничество.

Проводив гостей, профессор аккуратно закрыл за ними дверь.

– Куда ты теперь? – спросил Володя у Юли.

Из квартиры напротив вышла соседка профессора. Юля чуть скосила глаза.

– Держи-ка, – Володя выудил из кармана темные очки. – Как? Лучше?

– Намного, – огляделась Юля. – Вижу, к примеру, твой костюм, а что под ним не вижу.

– Вот и отлично. Может, сходим куда-нибудь, в кино, например, чего тебе одной дома сидеть.

Юля согласилась неожиданно легко. Она вспомнила, что внутренности Володи почему-то показались ей очень родными. Когда-то он ухаживал за ней, и, кажется, даже был влюблен. Но с той поры, как Юля сбежала от жизни в кабину высотного крана, она растеряла многие привязанности. И вот, возможно, возвращала одну из них, единственную нужную.

– Ты много пьешь? – спросила Юля у входа в кинотеатр, вспомнив изуродованную печень.

– Да уж, – махнул рукой Володя. – Чаше чем хотелось бы.

– Почему?

– Наверное, одиночество.

– А семья?

– Нет у меня семьи. И не было. Я ведь всегда искал кого-то как ты, – признался Володя. – И не нашел.

Юлю охватил жар, и она промолчала.

Уже в кинотеатре, когда Юля поняла, что в темных очках совершенно не видит происходящего на экране, Володя вдруг привлек её к себе и стал целовать. Сначала Юля хотела сказать «не надо», но очки вдруг сбились, и она увидела Володино сердце. В полумраке при тусклом освещении экрана оно показалось ей живым, сопереживавшим чувствам своего хозяина. И сейчас оно, словно задыхаясь и изнывая от жажды, просило целебной влаги. На экране в этот момент кто-то громко вскрикнул. И тут же Юля отдала поцелуй и увидела, как сердце задрожало, распахнулось цветком, и из него брызнул свет.

Я убил ангела

Одни мужчины и женщины полагают, что созданы друг для друга, другие – для себя. Находясь в шаге от желаемой свободы, они намерены оставшееся расстояние преодолеть в одиночку. Их стремление принадлежать всем и никому держится на вере, что любовь не столь двузначна, чтобы гаснуть и разгораться только между двумя избранными. Её пылкое разнообразие предполагает не только бесконечные варианты страсти, но и свое высшее воплощение – любить любовь.

Возможно, в этом не меньше правды, чем в томлении по еще найденной половине. Кому нужна вторая половина, те её и ищут. Остальные быстро находят союзников в борьбе со временем, принимая нашу реальность и любовь в ней, как формы наслаждения. Меняя любовников, избавляясь от старых сердечных привязанностей, они похожи на корабли, уходящие вдаль в поисках призрачного рая.

Я проснулся рано и лежал с открытыми глазами, размышляя о своих ощущениях. Мир вокруг имел краски, звуки и запахи, но я их не чувствовал. Улавливал, но они не проникали в меня. Что произошло? Спрашивал я себя. Как оказался в пустоте, набитой прежними предметами, но теперь бесплотными и потому бессмысленными?

Продолжая думать, я встал и пошел в ванную. Холодный душ взбодрил, и я повеселел. Продолжал улыбаться, пока го-

товил еду и пил чай. И только после завтрака появилось чувство, что впереди неприятное открытие чего-то уже произошедшего. И не где-то за порогом дома, а внутри меня.

Первый знак я получил, проходя мимо зеркала. Отражение проследовало в обратном направлении. Не поверив, я медленно вернулся – отражение подошло с другой стороны. Вторым знаком стал разговор двух соседок под балконом. Я вышел подышать после первого знака и случайно подслушал разговор. Слова женщин разлетались по пустому двору, как шары от пинг-понга.

– Он просто чудовище! – восклицала миловидная соседка.

Не поверить ей было просто нельзя.

– Чудовище! Это не то слово! – в той же манере придавать словам окраску, поддерживала не столь миловидная соседка. – Он хуже! Хуже! Таких, как он, при рождении топить надо!

– И надо же, он еще пытался объяснить это тем, что ничего не знал о наших отношениях!

– Мерзавец!

– Он довел меня до истерики, – срывающимся голосом пожаловалась первая соседка, – до сих пор в себя придти не могу.

– Чудовище! Когда меня с ним познакомили, он показался милым и общительным, но позже...

– Я проплакала всю ночь, у меня опухло лицо! – гнула

свое обиженная женщина. – Я...

– Кстати, милая, – тоже, не церемонясь, перебила вторая, – я тут узнала один рецепт. Для свежести лица рекомендуется в течение месяца каждый день выпивать бутылку сыворотки. И весь этот месяц ни грамма жира, ни капли кофе, ничего сладкого и спиртного.

– Натощак?

– Что натощак?

– Пить сыворотку.

– Да, конечно. А еще лучше, если листья одуванчика, крапивы, щавеля, подорожника и тысячелистника...

Что делать с гербарием я так и не выяснил, неожиданно осознав, я и есть чудовище. Нет, соседки говорили не обо мне. Просто этим словом объяснялось моё состояние. Вот откуда отчужденность. Я стал чудовищем. Но с чего бы вдруг? А если не вдруг. Возможно, это происходило давно, а теперь открылось мне.

В тревоге я вышел из дома, прошел пол квартала и понял. Чтобы жить полноценной жизнью, я должен не просто сознаться, что стал чудовищем, но и жить его жизнью. Иначе меня просто не было. Я вдыхал воздух, но ни одной кубической единицы не попадало в легкие, и я лишь зевал ртом, как рыба, выброшенная на берег.

Нужно было понять, как живёт чудовище. Я глянул по сторонам.

Чуть впереди у киоска с газетами стоял пузатый, словно

проглотивший целый арбуз гражданин Лицо его расширялось от рта к ушам, верный признак жадности. Да и пальцы у него были короткие – такие люди редко становятся пьяницами и не растрачивают попусту нажитое. Мне захотелось подойти и хлопнуть гражданина по ушам, схватить клыками за хребтину и потрепать. А потом уволочь в дальнюю подворотню и доесть.

«Несладко быть чудовищем, – подумал я, – безобидного гражданина чуть не съел. А что делать? Хищник живет как хищник, а червь как червь. Все мы созданы природой ради общей большой игры, где каждый должен честно сыграть свою роль, одному бляеть и кудахтать, а другому на него охотиться».

Новый прилив чудовищных сил пресек мои размышления, и я развернулся в сторону пузатого гражданина. Тот уже свернул газеты в трубочку и шел к своей, такой же пузатой, машине. Одним прыжком я был готов его настичь. Как вдруг краем глаза уловил нечто светящееся на противоположенной стороне улицы и замер.

Через темные очки я наблюдал за молодой женщиной, идущей от автобусной остановки к пешеходному переходу на перекрестке. От женщины исходило сияние, чудовище болезненно ощущало его, по коже пробежала дрожь. Меня, как магнитом, тянуло к ней. Уцепись я в этот момент за поручни, оторвало бы руки. Позабыв о пузатой жертве, я бросился за сияющей женщиной. И тут знакомый голос вернул мне

забытое имя. Я остановился, но тому, кто окликал, не на что было рассчитывать, кроме как на встречу с чудовищем.

Я обернулся.

– Наташка! Вот так встреча! – облизнулось чудовище.

Наташа была женщиной без комплексов и без возраста. В отличие от предмета моей погони она не излучала свет, а поглощала.

– Чем займемся? Может, сразу ко мне, – предложила она.

Глядя на густо накрашенный рот, я решал, что же делать с новой жертвой. Как чудовище я не мог её отпустить. Нужно было хотя бы нахамить. Хотя лучше сразу показать, с кем она имеет дело.

Только я открыл рот, чтобы проглотить распутную Наташу, как спинным мозгом почувствовал сияние.

Она была рядом.

– Ты куда? – хватая за рукав, спросила Наташа.

– Спешу, – дернувшись, грубо вырвался я.

– Куда спешишь?

Вместо ответа я обдал Наташу облаком серы и пепла. Лицо её покраснело, и она раскашлялась, вывалив язык. Можно было для верности прожарить синим пламенем. Но сияющее существо уходило.

– Подожди, ангелочек!

– Меня зовут Надя, – обернулась девушка. – Я видела, как вы наблюдали за мной. Вы кто?

– Я Лазарь.

– Какой Лазарь?

– Пошутил, я Толик, ваш сосед.

– Какой еще сосед?

– Ой, нет, я не Толик, я Алик.

– Вы сумасшедший? – испуганно проговорила Надя.

– Совсем немного, – кивнул я. – Но это не опасно.

– Что вам нужно от меня?

– Поговорить.

– О чём? Я вас не знаю.

– О том, что ты ангел. И я тебя искал.

– Вы это серьезно?

– Конечно. Это же откровение. С откровением шутить нельзя.

– Неприлично вот так, на улице, об этом говорить. Вы хотели познакомиться со мной? Для чего?

– Я же сказал, ты мне очень понравилась.

– Странно...

– Ничего странного, это любовь с первого взгляда.

В отношениях между мужчиной и женщиной часто бывает, что кто-то из них чудовище. И сразу не поймешь кто. Надя почему-то сразу прониклась ко мне доверием. Во мне и раньше мелькало что-то незаурядное, а теперь присутствие чудовища наделило особым притяжением. Мы договорились о встрече на завтра после обеда. Расставаясь, Надя пожала мою руку и сказала, что придет обязательно.

Известно, как живут здесь на Земле, насколько тесны вра-

та и узок путь, ведущий к настоящей жизни. И потому есть люди, которые подобно пище нужны всем и всегда, есть те, кто, как лекарство, нужны временами, и есть те, кто, как болезнь, не нужны никому и никогда. Конечно, я хотел быть нужным всегда, наивно полагая, что ради этого можно идти на поводу неразборчивые желания.

Один мой приятель долго добивался женщины, желание разгоралось в нём, как сухое дерево в топке. Он бредил ею и говорил, что за ночь в её постели, готов подметать сады дьявола. Саму женщину он считала святой и целомудренной, и пока так думал, сам как-то посветлел и подобрел. Через некоторое он добился своего, шкала цинизма подскочила в нём на рекордный уровень и, глядя в его глаза, можно было не сомневаться, что дьявол уже освободил для него вакансию дворника.

Вечером я заглянул в летнее кафе, где собирались знакомые, желая убедиться, все ли по-прежнему в мире и не изменилось ли среди них количество шлюх и козлов. Проходя между столиков, я через темные очки смотрел глазами чудовища, и люди показались покусанными плодами. Вот у неё пока откусили лишь маленький кусочек. Он съеден уже почти до половины. А этих двоих сгрызли по самые косточки. Надо же, мы живем и не замечаем, что происходит с нами. И лишь случайно, как отражение в зеркале, мелькнет истинное положение вещей, но мы побежим от него прочь, как от наваждения к тем, кто также испорчен и недалек. Посидев

немного, устав наблюдать за пьяными шалопаями, я вернулся домой. Спал я один и крепко.

На следующий день я легко и бодро шел на встречу. Зачесалась губа. Это был верный знак – придется целоваться. Приятная примета. Еще хороший знак, если снять горох с огня, а он еще кипит. Но с утра я не варил горох, а выпил лишь чая из суданской розы. Я шел налегке и вспоминал слова одного мудреца, говорившего, что в женщинах нельзя будить хаос, ибо от него рождаются все виды жестокости и падений. Я же не просто собирался разбудить хаос, а еще и выпустить на волю. Силы, растущие во мне, ждали именно этого.

Парк был полон гуляющих. Люди ели мороженое, пили лимонад и пиво, катали детей на каруселях. Дети весело верещали и создавали праздничное настроение. Да и благо конец лета выдался теплым и солнечным.

Наша встреча с Надей была простой, как встреча двух однокурсников, собравшихся обсудить план семинара. Мы шли по аллее, и наша беседа мирно блуждала между отвлеченных тем. Когда мы присели на лавочке вдали от всех, Надя неожиданно спросила:

– А ты никогда не думал, что смерть может придти в образе любви?

– Это как у Ромео с Джульеттой, что ли? – немного растерялся я.

– У них скорее наоборот. Любовь накинута одежды смерти, чтобы другие не заметили счастливого ухода влюблен-

НЫХ.

– Может быть... Никогда не думал об этом, – покачал я головой, удивленный ходом мысли своей новой подружки. – Какие еще есть варианты? Любовь и смерть. К чему такие разговоры?

– Вот ты влюбляешься, принимаешь свою любовь как саму жизнь, отдаешься ей, и даже не догадываешься, что это твоя смерть. – По взволнованному лицу Нади было видно, что она говорила о вещах важных для неё.

– Это как? Что-то я не пойму, – не хотел понимать я, поглядывая на мужика с банкой пива.

– Вроде как встретить роковую женщину. Нет, не то... Это как будто ныряешь солнечным днем в теплое море, а выныриваешь совсем в другом месте. Понимаешь?

– Не совсем, – кисло улыбнулся я.

– Ты принимаешь найденную любовь, как самую главную, для жизни здесь, а это твой проездной туда, на небеса, – тихо проговорила Надя и посмотрела на небо.

Там высоко над головой летали какие-то звонкие птицы.

– Станный такой разговор, – тоже глядя на них, сказал я, – но мне кажется, любовь не позволит смерти прикрываться её именем.

– Кто знает, что может себе позволить любовь.

Мне захотелось выпить. Слова неспроста, непустые, неожиданные и нужные, рожденные рядом, созвучные твоими переживаниями, всегда рождают потребность окунуться

в чашу с вином. Я объяснил это Наде, и она, подумав, согласилась.

Мы пили вино на задворках парка.

– Надюшка, – по-свойски называл я свою спутницу, – ты хороший человек! Но что за бардак творится в твоей голове?

Она смеялась и доверительно наклонялась к моему плечу. Я подзабыл о чудовище, паря где-то в облаках, подмигивая заходившему солнцу. И тут чудовище дало знак, что дальше действовать будет оно. Меня встряхнуло, и я увидел черную птицу на каменном заборе.

– Идем ко мне, – сказала чудовище Наде.

Предложение прозвучало двусмысленно. Надя погрозила пальцем, и отказалось. Но чудовище действовало решительно, наделяя меня сверхъестественным обаянием. В этот вечер меня можно было смело назвать самым интересным человеком планеты. Я знал и умел абсолютно всё, говорил на ста языках, включая древнекитайский и язык зулусов.

– Indoda ayihlatshwa ngomkhonto munye! – громко сказал я.

– Чего-чего? – засмеялась Надя.

– Мужчину не сразить одним ударом.

– Ударом?

– В данном случае отказом. Да что слова! – страстно заговорил я. – Я могу изъясняться знаками гематрии. Могу стать невидимым, как Уильям Неф. Могу рисовать, держа кисть пальцами ног. Могу предсказывать будущее, словно Джон

Ди или Просперо.

Я вскочил, сделал несколько сложных па и заявил:

– Я могу петь и плясать танцы народов мира, могу проходить сквозь стены и летать, читать мысли и исполнял любые желания. Я могу даже на время изменить мир.

Я размахивал бутылкой, как аароновым жезлом. Против силы и напора такого обаяния не устояли бы и каменные статуи с острова Пасхи. Очарованная Надежда смотрела на меня, как на посланца небес, способного развеять мрак и невежество. Еще бы чуть-чуть и гипноз доконал бы её, она бросилась бы обнимать меня и целовать края моей одежды.

Я взял её за руку и повел к себе домой. Дело было сделано.

С самого порога я набросился на ангела, ощущая нежную плоть и жизнь в каждой клеточке его тела. Я проникал всюду, вливая в себя свет, поглощая его как чистейший воздух. Мне было мало и мало, я хотел выпить до дна. Я хотел коснуться того момента, когда он иссякнет, и мы вместе свалимся в пустоту, но он был бесконечен.

Ангел почти не сопротивлялся, его сил хватало лишь на то, чтобы вздохнуть и охат под напорами чудовища. Он ничего не видел, затопленный потоками собственного света.

Я терзал ангела всю ночь. Наутро ангел был мертв. И чудовище тоже. А в постели проснулись мужчина и женщина, которые с удивлением обнаружили, что живы и счастливы.

indoda ayihlatshwa ngomkhonto munye – мужчину не убить

ударом одного копы (зулусский). Гематрия – одна из основных каббалистических техник расшифровки Святого Писания, основанная на сложении числовых значений букв того или иного слова. Уильям Неф – фокусник, выступавший в 60-е годы в Америке, открыл в себе уникальный дар, исчезать, растворяясь прямо в воздухе. Джон Ди – астролог-предсказатель 16 века, приближенный Елизаветы Первой.